A movie poster for the film 'Ararat'. The background shows a large group of warriors on horseback in a field, with a sunset sky. In the foreground, a woman with long red hair, wearing a green tunic and a red cape, holds a bow and arrow. Behind her, a man with long hair and a fur-lined tunic sits on a white horse, holding a sword. The title 'АРАРАТ' is written in large, metallic, stylized letters across the middle. Below the title, the text 'Книга 4 ПЕСНЬ ОБОРОТНЯ' is displayed. The names 'МАРИЯ СЕМЁНОВА' and 'АННА ГУРОВА' are listed above the title.

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**
**АННА
ГУРОВА**

АРАРАТ

**Книга 4
ПЕСНЬ
ОБОРОТНЯ**

Анна Евгеньевна Гурова
Мария Васильевна Семёнова

Аратта. Книга 4.

Песнь оборотня

Серия «Аратта», книга 4

Серия «Миры Марии

Семеновой (Азбука)»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50397420

Мария Семёнова, Анна Гурова Аратта. Книга 4 Песнь оборотня:

ISBN 978-5-389-17875-5

Аннотация

В северных чащобах Бьярмы, где нечисти больше, чем людей, затерялся царевич Аюр. Три враждующие силы ищут его, стремясь опередить друг друга. Все они на словах желают блага – но каковы их истинные намерения? Возможно, будущее Аратты зависит от того, кто именно найдет Аюра первым. Жрец Хаста и его накхини? Ловчий Каргай, отринувший свои корни и вместе с ними жалость к сородичам? Наместник Бьярмы с его ужасным помощником?

Но что же сам царевич? Простые люди считают его чудотворцем и ждут от него спасения. Однако борьба за власть – последнее, что занимает сына Солнца. Аюр пытается понять себя: кто он теперь, в кого превращается?

А пока на севере разворачивается тайная война, в землях вендов царица Аюна, сама того не понимая, вовлечена совсем в другие игры. Честолюбивый и обаятельный князь Станимир занимает все мысли девушки; он кажется ей избавителем, который вернет ее домой и восстановит в стране мир. Но едва ли стоит верить кому-то в лесном краю, известном как владения обратной...

Цикл «Аратта» – первый опыт сотрудничества создательницы знаменитого сериала о Волкодаве Марии Семёновой и талантливой петербургской писательницы Анны Гуровой, автора книжных сериалов «Князь тишины», «Лунный воин», «Книга огня» и других популярных произведений фэнтезийного жанра.

Содержание

Пролог	7
Часть 1	26
Глава 1	26
Глава 2	44
Глава 3	56
Глава 4	72
Глава 5	85
Глава 6	109
Глава 7	128
Глава 8	145
Глава 9	163
Конец ознакомительного фрагмента.	168

**Мария Семёнова,
Анна Гурова
Аратта. Книга 4
*Песнь оборотня***

Серия «Миры Марии Семёновой»

Серийное оформление и оформление обложки Сергея
Шикина

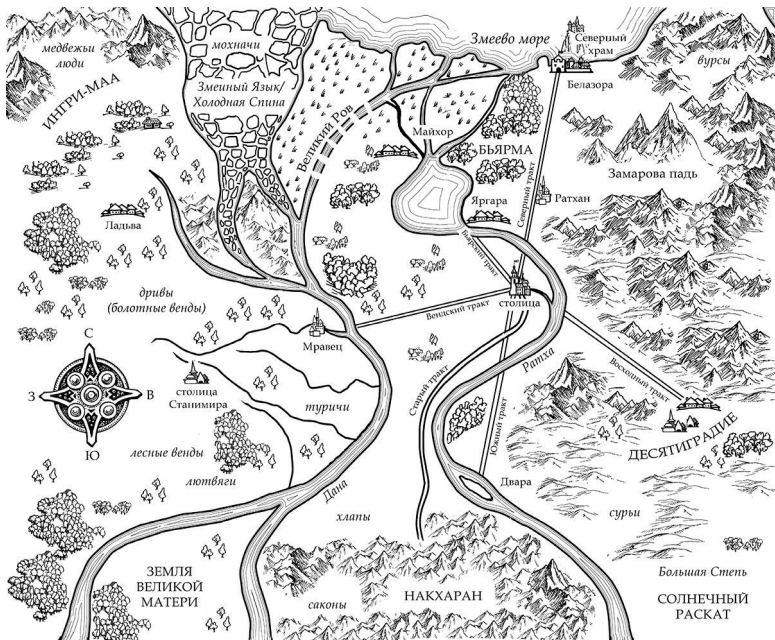
Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева
Карта выполнена Юлией Каташинской

© М. В. Семёнова, А. Е. Гурова, 2020

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Ат-
тикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Айха едет на юг

Айха терла маленькую косточку плоским камнем. Тот был покрыт мелкими, но все же хорошо заметными дырочками и быстро стирался. Зато кость становилась совсем ровной, белой и гладкой.

– Как звезды глядят с неба, – напевала девушка себе под нос, – так я гляжу на звезды... Жду, когда упадут, чтобы расшить ими одежду любимого...

Свадебная рубаха из шкуры белого оленя была почти готова. Айха шила ее уже очень долго, не спеша, но и не ленилась. Все должно быть сшито наилучшим образом, ведь это одежда к свадьбе – а до той уже не так долго осталось ждать. Скоро начнутся большие снегопады. Дорогу из полуденного края совсем занесет, и в земли мохначей будет не добраться до следующей весны. Так что Хаста, несомненно, вот-вот придет. Ведь он поклялся!

Обточив костяной кругляш так, чтобы тот стал плоским и совершенно круглым, Айха бронзовым граненым шилом из земель южан просверлила в нем отверстие и острым наконечником вычертила шестиконечный крест – знак солнца. Пусть добрый бог, которому служит ее Хаста, согревает и оберегает его от тьмы, ледяного ветра и мороза. Таких круг-

ляшей-солнышек Айха выточила уже под сотню. И каждый новый, нашитый вокруг ворота и рукавов свадебной малицы, еще надежнее защищал того, кому она была предназначена. Прodeвая в отверстие костяной чешуйки тонкое сухожилие, девушка вновь запела:

– Как разукрасят твою рубашку знаки солнца – так будет сиять моя к тебе любовь! Как я крепко сшиваю жилами оленью кожу – так будет крепка твоя любовь ко мне!

По нижнему краю малица была обшита плашками из священного мамонтова бивня, призванными охранить от сглаза мужскую силу Хасты и даровать ему многочисленное потомство. Айха не пожалела драгоценной кости. Ведь ее нареченный, хоть и мудрец, каких свет не видывал, все же не могучий уроженец Ползучих гор, а слабосильный южанин. И как они, жители Аратты, только ходят на своих тонких ножках, – кажется, налетит ветер и унесет их! Айха, если бы пожелала, могла бы прихлопнуть Хасту даже не кулаком – ладонью. Но ей ничего такого вовсе не хотелось. Наоборот – мечтала, как станет всемерно оберегать любимого, чтобы в ее суровой земле он был здоров и счастлив. И остался бы с ней не на год, как обещал, а навсегда...

Девушка отложила шитье и залюбовалась делом своих рук. Теплая, добротная одежда, и такая красивая! Вот бы знать, какой свадебный дар принесет ей Хаста?

Айхе вспомнилось, как прошедшим летом, когда они только-только отправлялись в Затуманный край, молодой

жрец просто так, по своей доброте и щедрости, начертил ей на руке бережный знак.

«Это „Ард“, первая, самая важная буква, запомни ее... Она означает чистое предвечное пламя, которое есть суть Исвархи и основа всего мира», – сказал он тогда. И Айха замерла, страшась его мудрости и восхищаясь ею.

Солнечный бог, которому служил Хаста, даровал ему дивное волшебство – отразить на тонкой скобленной коже душу любого существа. Будь то оберег – вместилище доброго аара, или нежный весенний цветок, какие распускаются в речных долинах, когда сходит долгий снег, или брат-мамонт, да такой похожий, что кажется, будто он вот-вот оживет и пойдет щипать траву.

Где он, ее нареченный? Отчего так долго не приходит? Неужели позабыл о ней?

Айха сердито мотнула головой, будто отгоняя мошку. Ядовитая мысль не в первый раз колола ей сердце. Нет, этого не может быть! Хаста клялся Солнцем. А когда шаман клянется, призывая в свидетели своих богов, он никогда не обманет. Да и не таков Хаста, чтобы обманывать... Наверняка что-то помешало ему...

Она обвела взглядом свадебную вежу, в которой находилась. Она сама ее сделала, обтянув основу из оленьих лопаток и мамонтовых бивней прочными шкурами; сама выложила священный круг очага и с той поры не давала угаснуть огню под сводом их с Хастой будущего зимнего дома.

Сородичи, впервые услышав, что она в самом деле, не в шутку, ожидает приезда рыжего шамана арьев, немало подивились, но промолчали. А между тем время шло. Снег вначале робко выпадал по ночам, изморозью покрывая пожухлые травы. И вот наконец, будто осмелев, начал валить не переставая, так что в двух шагах человека уже не было видно.

Утром, когда большой снегопад еще только начинался, в ее вежу заглянул дядя Умги, брат матери. Сердито сопя, оглядел ладное жилище. Айха надеялась, что он похвалит ее труд, но вид расшитой рубахи как будто еще сильнее разгневал родича.

– Уже и пояс чужаку сшила, – буркнул он, оглядываясь.

– И пояс, и рубаху, а как же, – гордо отозвалась его племянница.

– А оленя тебе кто добыл?

– Сама!

Умги заворчал от злости:

– Это он должен был принести тебе белого оленя!

– Но ведь его тут нет, а свадьбе скоро...

– Замуж тоже сама за себя будешь выходить?

Айха хмыкнула, взяла следующую костяшку и принялась тереть ее.

– Он не придет, – сказал умудренный годами мохнач. – Никто из солнечного племени не смог бы до нас добраться. А уж этот и подавно.

– Придет, – упрямо наклонив голову, возразила девуш-

ка. – Он обещал.

– Глупая! Что с того? Обещал – да и не пришел. Это же чужак.

Айха сделала вид, что не слышит. Дядя фыркнул, бросил кожаный полог и ушел. А девушка с еще большим рвением погрузилась в работу. Надо все приготовить к приходу суженого! Они в теплых землях ничего не знают о настоящих морозах. Откуда там взяться доброй одежде?

Тяжелый непроглядный снег валил стеной весь день. К вечеру снаружи немного прояснилось. Айха выглянула наружу, и что-то больно стиснуло ее сердце. Мир вокруг изменился. Теперь он принадлежал зимним аарам. Не осталось больше ни людских, ни звериных троп – все сменила безликая белая гладь. Еще день-два таких же метелей, и нельзя будет найти путь к югу даже вдоль реки...

Айха всхлипнула. Нестерпимое волнение охватило ее. Где Хаста? А если метель застигла его в пути? А если он ранен или попал в руки врагов?

Она вернулась в тепло, села у очага и уставилась в огонь, силясь увидеть в его пляшущих языках лицо нареченного. Но все впустую – все, что мог различить ее взгляд, было пламя да поднимающийся к отверстию в крыше дым.

– Что-то случилось, – прошептала Айха, на этот раз с полной уверенностью.

Она вытащила из-под вороха шкур обломанный кусок бивня. Когда-то он принадлежал одному из ее прародителей.

– Я не убивала тебя, – прошептала она, обращаясь к духу мамонта. – Я не ела тебя. Я не желала тебе зла. Я сказала тебе правду. Расскажи и ты мне все как есть...

Мохначка достала из поясной сумки пару рыжих волосков и привязала их к кости.

– Мать-Мамонтиха, – зашептала она, – только ты знаешь все! Тебе с высоты легко рассмотреть, что творится в самых дальних землях. Солнце ныне закатилось в твою небесную вежу, и ты, о Мать, не знаешь черноты долгой ночи. Скажи своей младшей дочери, где мой суженый! Скажи, что с ним! Скажи, когда его ждать!

С этими словами она сунула бивень в огонь и затаила дыхание. Вонь жженой кости черной дымкой потекла в небо, унося вопрос девушки. В глубокой тишине Айха почтительно ждала, пока Мать-Мамонтиха услышит вопрос и окинет своим всюду проникающим взором земные пределы.

Наконец послышался едва различимый треск. Айха палкой подцепила кость, столкнула ее с углей и жадно на нее уставилась. Кость с одного края почернела, но с другого осталась светлой.

– Между жизнью и смертью его дорога, – прошептала Айха, цепenea. – И эта трещина прямо посередине! Уж не война ли?

Сама она не застала войн, но дядька рассказывал, что бывает, когда род идет на род.

Она перевернула бивень. Трещины с наружной стороны

указывали на тяжелый путь. Злые духи осаждали ее нареченного, впереди его ждали смертельные испытания... И да – у Айхи перехватило дыхание, – он действительно был где-то близко!

«Надо идти ему навстречу», – решила она.

За кожаными стенами ее жилища голодными голосами завывала метель. Даже мамонты собрались вместе и плотно жались друг к другу, чтобы не замерзнуть. А ведь зима лишь начиналась...

Но что-то там, внутри под ребрами, клокотало и требовало немедленно подниматься и отправляться в путь.

Айха, ни мгновения не колеблясь, оцарапала костяным ножом край ладони, и кровь часто закапала в очаг. Смешав кровь и золу, она вслепую прочертила себе на лице уберегающие от несчастья извилистые полосы. Это должен был сделать кто-то из старших. Вот только вряд ли кто-то стал бы помогать Айхе в таком опрометчивом, ненужном и опасном походе.

И тут ей пришлось все делать самой.

Девушка облизнула ранку, чтобы унять кровь, и закрыла глаза, втягивая носом знакомые запахи. Те, что помнила с детства, – запахи кожи, меха и теплого дыма. Теперь не скоро она вновь вдохнет их.

«Метель кончается, ночь будет ясная, – сказала Айха самой себе. – Я пойду по звездам».

Когда она уже привязывала к ногам лыжи, из темноты вдруг возник дядька.

Молча уставился на нее, опираясь на копье.

– Я гадала на зубе предка, спрашивала Мать-Мамонтиху, – объяснила Айха. – С Хастой беда... Я пойду.

Умги мотнул косматой головой:

– Никто не ходит долгой ночью так далеко. И уж давно не ходит один.

– Я пойду, – насупившись, сказала девушка. – Хаста прошел долгий путь. Духи сказали, он почти добрался до Ползучих гор, когда что-то помешало ему. Но сейчас он в опасности. Ему нужна моя помощь.

– Какая помощь? – рассердился старый мохнач. – Ты и ему не поможешь, и сама пропадешь в снегах!

– А я пройду. У меня хорошие лыжи, и никто лучше меня на них не бегает. Мне нужна только еда. Всего на десять дней. Я доберусь до тропы в теплые земли, найду Хасту, мы вместе перезимуем на юге и весной придем сюда. Хаста – великий шаман, ты сам видел! Если он прикажет морозам и снежным бурям отступить, они не посмеют ослушаться.

– Ты не доберешься. Да может, уже и нет никакой тропы. Подземные аары изгрызли всю землю на полдень. Или сама не знаешь, что там творится? Хочешь угодить прямо в Воды Гибели?

Айха мрачно глянула на родича:

– Да. Там опасно. Но я все равно пойду. Духи предков не

оставят меня. Я это знаю! Иначе зачем бы им открывать мне будущее?

– Хорошо. – Брат матери смерил девушку долгим тяжелым взглядом. – Если я скажу «нет», ты все равно пойдешь?

– Пойду, – прямо ответила Айха.

Он печально вздохнул:

– Ладно. Вижу, тебя не остановить. На, возьми.

Мохнач снял с плеча и сунул ей плотно набитый кожаный мешок.

– Что там?

– Еда на десять дней. Мы все собирали ее для тебя. Я каждый день буду говорить с предками и просить их защитить тебя. Но ты будь осторожна. Оружие у тебя есть?

– Да. – Она показала копье. – Прошу, присмотри за Айхо.

Он будет очень грустить.

Дядька лишь хмыкнул:

– Я-то присмотрю. Да только Айхо еще упрямее тебя. Ладно, ступай. Найди своего шамана и притащи сюда, иначе ты не успокоишься. Но не иди на юг, все время забирай к восходу. Там, может, и пройдешь.

По свежему хрусткому насту, под сверкающими звездами Айха бежала на лыжах всю ночь, легкая, как олень. Ей было весело, и ее переполняло радостное ожидание чего-то хорошего. Перед рассветом, когда задула поземка, она нашла укрытую от ветра нишу под скалой, забралась туда, завязала

рукава своей малицы, натянула ее широкий ворот на голову, свернулась клубком и крепко заснула.

Проснулась девушка от знакомого фырканья и прикосновения хобота к голове.

– Да чтоб тебя блохи закусали! – не открывая глаз, простонала она. – Ты зачем за мной увязался, дурак мохнатый?!

Айхо грузно топтался рядом, всем своим видом выражая бесконечное счастье от встречи.

– Там, куда я иду, очень опасно! Уходи домой!

Мамонт старательно делал вид, что не понимает. Айха вскочила и принялась яростно бранить его. Айхо внимательно слушал и не сдвигался ни на шаг. Он и в самом деле был еще упрямее, чем его названная сестра.

– Ладно же, – прошипела в конце концов мохначка, поняв, что ее побратим не намерен возвращаться. – Но пообещай меня слушаться! И если я скажу «туда не ходи» – значит ты туда не пойдешь!

Айхо, поняв, что его больше не гонят, весело затрубил.

«Исхудал, бедняга, – с болью отметила про себя девушка. – Звери уже голодают – а ведь только начало зимы! На наши обычные кочевья идти нельзя: их захватили подземные черви... Вся жизнь меняется к худшему на Ползучих горах!»

* * *

Айха дремала. Переход выдался тяжелый – после полу-

дня снова повалил непроглядный снег, и высмотреть что-то дальше бивней мамонта было просто невозможно. Зарывшись лицом в густую бурую, длиной с человеческую ногу шерсть, укутавшись поплотнее, девушка предоставила своему побратиму идти по давно известной, хоть сейчас и едва различимой тропе вдоль речушки, где на них когда-то напал саблезубец. Душа ее витала у границ мира сновидений, желая высмотреть там душу ненаглядного Хасты.

Когда она пробудилась, вокруг уже начало смеркаться. Побратим неторопливо переставлял ноги, убаюкивающе покачиваясь со стороны на сторону. Лежа на его косматой спине, Айха чувствовала, как он, не замедляя шага, обрывает ветки с кустов, а то и выдирает их целиком и отправляет в рот. Голые березовые ветви и ивняк – не лучшая пища. Но там, где ее род устроился зимовать, и такая встречалась нечасто. «Целый день идем – ни зверя, ни птицы, – сонно подумала мохначка. – Тяжело будет пережить эту зиму. Надо все же просыпаться...»

С усилием поднимая веки, она заставила себя открыть глаза и приподняться. Метель вроде бы закончилась. Девушка с недоумением огляделась по сторонам.

Где они сейчас?

– Айхо, ты куда забрел? – возмутилась она. – Зачем ты ушел от реки? Ты же знаешь дорогу! Мы должны идти вон туда, через Загривок!

Она махнула рукой вправо, туда, где в сизом сумраке вид-

нелась зубчатая стена горного хребта.

– Я понимаю, что ты голодный. Но я же предупреждала. Я не хотела тебя брать! Там нечего есть – только лед и снег да камни. Вернись, не то мы заблудимся!

Айхо как ни в чем не бывало шагал вперед. Айха стиснула зубы, соскользнула со спины побратима и встала перед ним, уперев в бока руки:

– А ну-ка, поворачивай! Ты обещал!

Мамонт неохотно остановился, покосился назад и фыркнул.

– Давай, давай! – подтолкнула она его. – Перейдем через хребет, а там уже и тропа. Куда тебя понесло? Мы не знаем там дороги. А еще трещина – не забыл? Надо будет ее непременно обойти. Надеюсь, она не поползла дальше...

Она задумалась, вспоминая время трав, дни Великой Охоты, когда они с дядей нанялись в проводники к царевичу, странствие с Хастой...

«Кто и что мешает ему вернуться?»

И вдруг она почувствовала, что падает.

Жуткое ощущение полета длилось совсем недолго – хватило бы, чтобы моргнуть или сказать «ах!». Земля под ее ногами дрогнула и будто бы чуть просела – совсем немного.

– Что это было? – пробормотала мохначка, вцепившись в древко копья и быстро оглядываясь. Однако вокруг на первый взгляд ничего не изменилось. Если земля куда-то и провалилась – то вся сразу. Айха медленно перевела дух. – Чер-

ви изгрызли все нутро Ползучих гор, и теперь его пучит, вот беда-то, – бормотала она, очень явственно ощущая зыбкую пустоту под ногами. – Ну, пошли, братец. Надо возвращаться к реке и идти дальше на полдень!

«Я очень боюсь, – почти услышала она мысли мамонта. – Там, где Загривок, что-то очень страшное...»

– Надо! – воскликнула она почти с отчаянием. – Да, я тоже чувую! Гибель – впереди, гибель под нами! Но там тропа на юг!

Они вернулись к реке и шли вдоль нее до темноты. Спать легли на высоком месте, среди березового стланика. Айха пыталась отыскать место понадежнее, но ничего надежного не осталось вокруг. Твердая земля перестала быть твердой, она стала будто скорлупа яйца перелетной птицы.

В беспокойном сне душа Айхи снова летала, как отставший от стаи серый гусь, среди косматых темных облаков. В какой-то миг ветер разорвал облака, и Айха увидела своего рыжего жреца лежащим навзничь на поросшем жухлой травой холме среди елового леса. Над ним склонились черные тени...

– Хаста! – воскликнула она и проснулась.

То ли утро, то ли вечер был вокруг, она даже не успела понять. Небо было черным, лишь по краю его розовела светлая полоса. Все, что успела заметить Айха: ее побратим стоял, замерев неподвижно, и глядел куда-то в сторону Загривка. А потом она вдруг взлетела в воздух, подхваченная его хобо-

том. Мамонт забросил ее на спину так, что она едва успела ухватиться за шерсть, и припустил вверх по склону большого холма, на котором они ночевали.

– Что ты... – От его прыжков Айха подлетала в воздух и лязгала зубами, стараясь не откусить себе язык. – Эй, куда тебя понесло?! Зачем нам на эту гору?

Но Айхо упорно, будто не слыша ее слов, взбирался на поросший стлаником одиноко стоящий холм.

– Ну куда ты лезешь? Нам же не сюда!

Ее крик потонул в грохоте. Айха почувствовала, как содрогнулась и застонала земля. И снова, еще сильнее. А затем грохнуло так, будто небо со всеми его звездами рухнуло вниз. Утробный стон из глубин все нарастал и нарастал, земля под ногами ходила ходуном.

Бледно-розовая полоса в небе разом исчезла, будто на нее нашла туча. Айха невольно обернулась и открыла рот в бесконечном изумлении и ужасе. Там, где еще совсем недавно виднелся в сумраке скалистый Загривок, творилось что-то невозможное. Высокая гора в середине хребта, до которой она надеялась добраться к нынешнему вечеру, кренилась набок.

«Гора двигается! – осознала мохначка. – Нет... она проваливается!»

К оглушительному грохоту добавился далекий рокот, переходящий в низкий рев. Гора полностью скрылась из виду. А на ее месте обманчиво медленно начал вздыматься вода-

ной горб. Он рос и рос, словно собираясь превзойти ту самую гору!

– Что это такое? – пробормотала мохначка, с ужасом глядя, как водяной горб обрушивается вниз, разбегаясь по заснеженной равнине и превращая ее в озеро. Широкий вал покатился во все стороны, ближе и ближе подбираясь к тому самому холму, где они сейчас оказались с Айхо.

– Воды Гибели вырвались на свет! – завопила девушка, сама себя не слыша. – Скорее, скорее! Беги наверх!

Словно в ответ на ее отчаянную мольбу, мамонт припустил что есть сил, мотая головой и трубя, будто призывая на помощь сородичей.

– Мать-Мамонтиха, спаси нас! – голосила Айха, слыша за спиной приближающийся рокот. – Дай нам силы, отведи гибель!

Наконец они достигли вершины холма. Айхо проломился сквозь кустарник и замер, дрожа всем телом, потому что выше взбираться было уже некуда. Мохначка вцепилась ему в шерсть и зажмурилась, ожидая, что вот-вот смертоносный вал настигнет их, захлестнет холм и смахнет так же легко, как смывает весеннее половодье сломанное дерево.

Но текли мгновения, а вода так не добралась до вершины. Айха открыла глаза и осторожно приподняла голову. Все вокруг было залито куда-то безудержно стремящейся мутной водой. В потоке мелькали выдранные деревца и кусты, проносились белые льдины. Холм, на который они едва успели

вскарабкаться, теперь стал крошечным островком, едва ли в сотню шагов от края до края. Вдалеке, где еще недавно поднималась стена гор, теперь виднелось что-то вроде огромного русла меж двух устоявших отрогов хребта.

– Мать-Мамонтиха... – еле выговаривая слова, прошептала Айха. – Благодарю тебя за спасение. Но что же теперь делать дальше?!

Всю ночь они провели на островке. Айха не сомкнула глаз. Сердце ее колотилось, руки как будто примерзли к шерсти побратима. Лишь иногда она начинала задремывать, и ее голова тут же наполнялась грохотом бурлящего потока. Под утро ей начали мерещиться звуки костяной флейты. Чистые и ясные, они то и дело прорывались сквозь рев. Но когда Айха узнала их, каждая волосинка на ее теле встала дыбом.

Всякий раз, как рыжая девочка из племени ингри начинала играть на дудочке, случалось что-то ужасное...

Нет, Кирья, не играй! Остановись!

Она вскинулась, просыпаясь, и пение флейты растаяло в свисте ветра. Вокруг все неслись куда-то темные воды, а в них белыми вспышками мелькали осколки льда.

Наутро, к огромной радости Айхи, вода начала спадать. Она уходила не так быстро, как нахлынула, но все же не прошло и полдня, как озеро снова обернулось равниной – только та не была уже ровной и гладкой, а встала дыбом, словно шерсть мокрого, грязного, косматого зверя.

Айха с побратимом подольше выждали для надежности, не вернутся ли Воды Гибели, наконец спустились с холма и пошлепали по лужам среди развороченной потопом обледенелой земли – прочь от исчезнувшей горы.

Однако, как ни забирали они подальше к восходу, этого оказалось недостаточно. В сумерках, когда догорал закат и в глубоком синем небе одна за другой загорались звезды, они вдруг вышли к краю обрыва. Никогда на Ползучих горах таких обрывов не бывало. Отвесный, высоченный берег уходил вдаль и по правую руку, и по левую. А под ногами, далеко внизу, отражая уходящее солнце и небо, плескалось море.

«Какое оно? – вспомнила Айха давнишние слова жреца. – Море прекрасно и опасно. Сияние и блеск, хаос и смерть...»

Холодное сверкание голубого льда пробивалось через бурые стены обрывов. Вода блестела и переливалась, по ее поверхности ходили волны. Вдалеке виднелся другой берег, такой же обрывистый.

– Гора провалилась, и теперь вместо нее стало море, – сказала Айха. И тихо добавила: – Какие вы красивые, Воды Гибели...

Айхо подкрался поближе и утащил сестру от края обрыва – сама она не могла сделать и шагу, у нее кружилась голова и подгибались ноги.

Весь следующий день, обходя гигантский провал, они продолжали идти к востоку. Двигались очень медленно, с трудом выбирая дорогу среди завалов. То ближе, то дальше

грохотали водопады – в море падали десятки и сотни потоков, ручьев и речек. Они несли с собой грязь, мох, траву и дерн. То и дело вниз срывались и падали с обрыва подмытые водой валуны. Всякий раз, переходя ручей, Айха тщательно выбирала место для переправы. Ей очень живо представлялось, как поток уносит ее туда, к краю пропасти, и она летит с него вниз в облаке водяной пыли...

– Что творится! – качая головой, говорила она мамонту. – Все стало чужое, ничего не узнаю!

Айхо был с ней полностью согласен. Всю землю перекорежило, не найти ни тропки, ни еды. От зарослей ивняка и стланика и следа не осталось. Где были горы, стали овраги, где было ровно – торчат острые камни. Что за сила вытолкнула их из чрева земли?

– Ползучие горы гибнут, – сказала Айха убежденно, когда они остановились передохнуть. – Теперь это место смерти. Проснулись древние аары – такие старые, что в их времена еще не было ни людей, ни зверей. Даже Мать-Мамонтиха еще не родилась тогда. Были только луна и звезды, солнце и темнота... Тогда верховные духи создавали мир, лепили его из огня, грязи и льда... А теперь они ломают мир и переделывают его заново. Лучше бы всем живущим в это время оказаться от них подальше!

Айхо дрожал и старался прижаться к ней плечом. Вот бы стать маленьким, как травяная мышь, и спрятаться в котомке у своей бесстрашной старшей сестры!

– Странно, что я, девица, веду шаманские речи, не правда ли, братец? Но что мне еще остается? Я прошу древних духов пропустить нас, но не слышу ответов. Боюсь, им нет никакого дела до людей и мамонтов... – Айха поглядела в сумерки исподлобья и добавила: – А я все равно пойду дальше. Где-то там Хаста. Он лежит на холме, и темные тени подбираются к нему. Я буду женой шамана, я должна быть смелой. Я должна пройти.

Побратим кивал. Айха казалась ему огромной и крепкой, выше неба и тверже скал.

Уже на самом закате, перебравшись через очередную гряду невысоких холмов, Айха вдруг увидела место, которое показалось ей знакомым.

– Тропа! – закричала она, ликуя. – Смотри, брат! Мы вышли на охотничью тропу!

Она поглядела вдаль, на уходящие в синюю дымку плоскогорья, счастливо улыбаясь:

– Дальше путь свободен!

Часть 1

Солнце над Бьярмой

Глава 1

Озеро Тарэн

Хаста лежал на увядающей траве, закинув руки за голову, и глядел в далекое бледно-голубое небо. День был не по-осеннему теплым. В его родных землях на берегах Змеева моря в эту пору можно было ожидать первого снега, а здесь, в южной Бьярме, лишь начинали желтеть листья да порою легкие паутинки носились в воздухе и липли на лицо.

Холм плавно поднимался над хвойным лесом, темно-зелеными волнами уходящим в синие туманные дали. С юга его огибала дорога. За этой дорогой, затаившись в сухой траве, следили две девушки в черном. Третья сидела рядом с Хастой и неспешно правила нож из небесного железа.

– Эй, звездочет! – насмешливо окликнула она лежащего. – Не рано ли ты уморился?

– Я не устал, – переводя взгляд с облаков на воинственную спутницу, ответил рыжий жрец.

Худощавый и невысокий, обряженный в пестрое, им самим придуманное одеяние бродячего гадалея, Хаста на пер-

вый взгляд казался чуть ли не подростком. Только морщинки в уголках глаз да внимательный цепкий взгляд выдавали его настоящий возраст.

– Тогда зачем эта остановка? – продолжала Марга. – Спасибо Тулуму, мы ловко выбрались из столицы и сейчас изрядно опережаем наших врагов. Но лучше бы нам не терять времени и уйти подальше от тракта, а не торчать у всех на виду на этом облезлом пригорке.

– Не такой уж он и облезлый. А кроме того, с «пригорка» открывается прекрасный вид...

– Ага, – ехидно ответила накхини, – только что ты внимательно глядел, не хмурится ли Исварха из-за того, что мы недавно учинили с одним из его слуг. Можешь не тревожиться о своем пухлом приятеле. Поверь, из наших рук он ушел почти нетронутым. Его предательство заслуживало куда более суровой кары, чем десяток-другой пинков...

Хаста припомнил честолюбивого Агаоха, возжелавшего подарить его голову Кирану. Конечно, затея была отвратительная, и все же рыжему жрецу было жаль старого знакомого.

– Господь Солнце явит свою волю, буду я искать взглядом его лик или нет. А вы лучше обратите свои взоры к дороге.

Смуглое лицо сестры саарсана от гнева потемнело еще сильнее.

– Может, наконец объяснишь, чего или кого мы ждем? – резко спросила она. – Утром ты попросил нас разобрать мост

через лесную речку – мы это сделали. Но затем мы вернулись сюда и сидим тут уже полдня! Почему бы нам не перехватить тех, кого ты ждешь, у реки, пока они будут ладить переправу...

Хаста сел и сладко потянулся:

– Они не будут ее ладить. Благородные арьи не станут марать руки о грязные бревна...

– Во имя Отца-Змея, хватит загадок! Еще одна недомолвка, и я тебя стукну. Что расскажут тебе звезды, когда будешь смотреть на них подбитым глазом?

Юные накхини, лежащие в траве, захихикали.

– Можем и одежду на тебе для убедительности изорвать, – любезно предложила Вирья.

– Нам это совсем не трудно, даже приятно! – добавила Яндха.

– Спасибо вам, добрые девочки, – раскланялся жрец. – Ну, слушайте. Марга, помнишь ворох писем, который вы унесли со стола у Кирана? Мы со святейшим Тулумом читали их всю ночь. Порой встречались довольно любопытные сообщения. Например, доносы, которые нынешний наместник Бьярмы писал на военачальника Каргая...

– Кто такой этот Каргай?

– Глава особого отряда ловчих, которому Киран поручил отыскать и доставить в столицу истинного царевича Аюра. И заодно переловить и покарать всех самозванцев, которые ему попадутся. В последнее время «царевичей» тут больше,

чем местных жителей...

– Да, я знаю. И что?

– Марга! – укоризненно покачал головой Хаста. – Подумай сама. Этот Каргай с «летучим войском» сидит в городишке Яргара – кстати, недалеко отсюда – и готовится перевернуть Бьярму вверх дном. Он уже столь ретиво взялся за дело, что одно его имя приводит здешнего наместника в бешенство. Надо сказать, тот не скупился на выражения, описывая дерзость и своеволие не в меру усердного ловчего...

– А нам-то до него какое дело? – поддержала наставницу Яндха. – Пусть себе слуги Кирана ищут царевича, ну а мы будем искать сами. Бьярма велика, царевичей на всех хватит!

Хаста вздохнул и закатил глаза.

– Яндха, помолчи, – недовольно сказала Марга. – А ты, Хаста, продолжай. Я еще в столице по твоему лицу видела, что ты придумал, как нам найти Аюра.

– Кое-какие мысли у меня, конечно, появились, – улыбнулся Хаста. – Вы навели на Кирана изрядного страха, но наверняка он уже догадался, что приходили мы во дворец не по его душу. Забрав свитки, мы четко дали ему понять, что охотимся на иную добычу. И уж конечно, блюститель престола пожелает оповестить о нас Каргая. Теперь, кроме Аюра, тому придется ловить еще трех накхини и одного вредоносного жреца... Ну а поскольку дело это тайное и государственной важности, то Киран, вероятно, пошлет к Каргаю не простого гонца, а кого-то из своих приближенных...

– Предположим. Что это нам дает?

– Возможность подобраться к Каргаю совсем близко и знать все, что знает он.

– Стало быть, мы поджидаем тут некоего «гонца из приближенных», – помолчав, отозвалась Марга. – Ну наконец-то дело прояснилось! И как ты намерен с его помощью подобраться к Каргаю?

– Прошу тебя, Марга! – Хаста сложил руки перед грудью. – Доверься мне...

– Можно я его стукну? – приподнялась с земли Вирья.

– А потом я? – подхватила ее подруга.

Сестра Ширама досадливо отмахнулась от воспитанниц:

– Умолкните – я думаю! Ты явно затеваешь что-то хитрое, но я никак не соображу, что именно... – хмурясь, проговорила она. – Хочешь, чтобы мы подкараулили его и убили?

Жрец отрицательно качнул головой.

– И то верно – мы могли бы это сделать у моста... А, поняла! Ты хочешь поймать его и сам переодеться гонцом!

Хаста хмыкнул:

– Боюсь, я не смогу убедительно изобразить знатного воина. Тут скорее подошла бы ты, но накхи сейчас не в почете. Впрочем, можно набелить тебе лицо, распустить твою косу и перекрасить ее в золотистый...

Пальцы Марги сомкнулись у него на горле.

– Ты вообще думай, что говоришь!

Хаста с трудом высвободился и потер кадык.

– Не стоит так горячиться, – кашляя, ответил он. – Это была шутка.

– Глухая шутка, – буркнула сестра Ширама.

– Согласен... – Он поднес руку к глазам, закрываясь от солнца. – А вот, кажется, и наш гонец!

По дороге, ведущей к Яргаре, быстро двигалась пятерка всадников. Четверо в обычных бурых плащах городской стражи, один в алом, со вспыхивающим по вороту золотом.

– Как я и думал, кто-то из придворных, – пробормотал жрец, быстро вставая и направляясь в сторону дороги. – Что ж, самое время познакомиться...

– А нам-то что делать? – крикнула ему в спину Марга.

– Вам... – Хаста поглядел на молодых накхини. – Надеюсь, твои девочки любят купаться в холодной, покрытой тинной воде?

* * *

Обогнув холм, всадники увидели одинокого путника, что брел по дороге, опираясь на длинный посох.

– С дороги! – нетерпеливо крикнул воин из свиты вельможи в алом плаще.

Хаста обернулся, из-под руки разглядывая гонца. Да, как он и предполагал, перед ним был один из тех знатных бездельников, которые вечно крутились около Кирана, во всем его поддерживая. Юноша был разодет с излишней в лесу рос-

кошью, держался самоуверенно и величественно, как истинный царедворец. Впрочем, едва ли он был из высшей знати – в отличие от смуглых арьев царского рода, этот был светлокожим, и его длинные волосы были не золотистые, а просто рыжеватые. По виду гонца можно было сразу сказать, что его предками были степные сурьи, которые первыми склонились перед колесницами захватчиков с востока, несущих свет Исвархи на своих копьях и знаменах...

Хаста отпрянул и закричал поравнявшемуся с ним гонцу:

– Эй, путник, погоди! Ты что же, не знаешь, какие нынче дни?

Всадник в алом плаще натянул поводья, осаживая коня.

– Не спеши, добрый юноша, это опасно, – продолжал Хаста. – Нынче те, кто торопится, могут и вовсе не доехать до дому...

– Что ты хочешь сказать? – спросил молодой царедворец, пытаясь по виду странника понять, с кем имеет дело.

Причудливое одеяние, пестрый плащ, войлочный колпак... Бродячий прорицатель, звездочет? Но из каких краев?

– Не торопись, поезжай шагом, будь осторожен! Вчера наступили лунные дни у богини Тарэн...

– Что?!

Насторожившийся было юноша озадаченно поглядел на звездочета, а потом разразился хохотом. Следовавшие за ним воины из столичной городской стражи громогласно подхватили его смех.

– Ты в бьярских землях, – укоризненно отвечал жрец. – Лучше тебе знать, что в эти дни великая богиня злится на весь мир. Все, что попадаете ей на глаза, раздражает ее. Бьяры в эти дни стараются со двора лишний раз не выходить. Даже едой заранее запасаются...

– Мы в землях Аратты, чужеземец, – резко отвечал знатный юноша. – Здесь один только Исварха имеет власть. Я вижу, ты явился издалека? Должно быть, ты лишен его света, потому и трепещешь перед всякой лесной нечистью. Знай же: злые духи бессильны перед ликом Господа Солнца! Это знает в Аратте всякий ребенок.

– Я-то, может, и знаю, – возразил Хаства, – да вот только Тарэн нет до того дела. Могу только посоветовать – не торопись! Да и ни к чему спешить – Мать Зверей нынче уже проявила свой дурной нрав. Она возмутила речные воды, и те снесли мост впереди.

– Откуда ты знаешь? – с подозрением спросил гонец. – Ты же сам идешь в ту сторону.

Хаства пожал плечами:

– Мне было видение.

Всадник в алом плаще вновь расхохотался:

– Вот и посмотрим, чего стоят твои видения! За мной!

Он махнул рукой своим воинам, повелевая им продолжать путь.

– Ишь каков, – хмыкнул Хаства, провожая взглядом всадников. – Даже плеткой наглого язычника не вытянул на про-

щанье, будто и не из столичных арьев... И запомни! – закричал он вслед гонцу. – Избегай соблазнов Тарэн! Нынче она коварна и прожорлива, как никогда!

Никто из всадников даже головы не повернул в его сторону.

– Что ж, главное, ты меня услышал, – прошептал Хаста и ринулся прочь с дороги, обратно на холм.

Анил из рода Рашны Отца Истины был раздосадован.

Стоя чуть в стороне от дороги, на обрывистом берегу неведомой лесной речки, он наблюдал, как местный люд возится у остатков моста, стаскивая к воде срубленные молодые деревья и налаживая новый настил. «Эти бьяры еле шевелятся!» – едва сдерживая нетерпение, думал он, и его рука сама собой сжималась и разжималась, будто нащупывая плеть. Подбодрить бы лентяев, а то ползают, будто зимние мухи! Но толку не будет – за время странствия по дорогам и постоялым дворам северного края юный царедворец уже усвоил: бьяры никогда никуда не спешат. А ведь солнце уже спустилось за кроны сосен, – чего доброго, придется ночевать в лесу...

Неужели прав был бродячий звездочет? Бьярская нечисть в этих землях в самом деле имеет силу противостоять воле Исвархи?

То, что сам он исполняет божью волю, Анил не сомневался. Киран, блюститель священного престола, так и сказал –

от этого поручения, быть может, зависит судьба Солнечной династии и всей страны!

Анил верил ему всецело. С той поры, когда зять государя впервые пригласил его с собой на охоту, юноша был ему неизменным спутником в делах и развлечениях. А если высокородный дед Анила вдруг скупился на золото, Киран всегда готов был помочь друзьям... Внезапно на государева родича обрушились все тяготы власти в обезглавленной державе. Коварство заговорщиков, предательство накхов... Пришла пора на деле доказать свою преданность! Анил воспринял свое назначение с гордостью. Подумать только, ему всего девятнадцать, а он уже получил важнейшее назначение – стал особым посланником в Бьярме!

«Мы проводили дни в праздности и развлечениях, но то время прошло, – размышлял он по пути. – Сейчас все переменялось. Мы – те, кому при Ардване пришлось бы годами ждать за спинами отцов и старших братьев, – теперь спасаем Аратту!»

И вот ему предстояло как можно скорее явиться в Яргру к тамошнему начальнику «летучего войска» и получить под свою руку отряд в пару десятков всадников, дабы поймать важных преступников – мятежного жреца Хасту с пособниками. Конечно, два десятка – невелик отряд. Но главное сейчас – показать, на что он способен. Огорчало, что дело придется иметь всего лишь со жрецом и какими-то девчонками. Впрочем, все же это были не просто девицы, а нак-

хини! Такой победой можно будет гордиться; никто не вздумает упрекнуть его.

И вот на́ тебе – бродячий предсказатель говорит ему о снежном мосте и гневe Тарэн. А когда отряд доезжает до моста, выясняется, что и впрямь от него остались только забытые в дно сваи. Тут поневоле задумаешься.

Но Анил гнал от себя дурные мысли. Исварха велик, и он защитит его от злобных лесных божков.

– Скоро уже солнце зайдет, – как будто в никуда кинул один из его воинов, стоявших поблизости. – А эти все никак не закончат.

– Лесное мужичье давно заслужило хорошую порку, – поддержал другой. – Сколько времени копаются, а мост все не готов!

– И жрать охота, – добавил третий. – Я в обед всего-то лепешку с сыром умял, так это уже давно было...

Анил, как и положено потомственному воину, стойко переносил невзгоды, однако в животе у него ворчал, и это подрывало его решимость.

– Похоже, на ту сторону реки мы засветло уже не переберемся, – со вздохом признал он. – Надо бы, пока не стемнело, поохотиться да поискать место для ночлега...

Ведя коней в поводу, столичные воины направились в сторону от дороги. Когда они поднялись на поросший соснами взгорок, их взглядам открылось лесное озерцо, блестящее среди деревьев внизу.

– Поедем туда, господин? – предложил один из стражей. – Там наверняка можно уток настрелять. Я вам таких уток в глине запеку – пальчики оближете!

Анил вдруг припомнил слова звездочета: «Бегите соблазнов Тарэн!» Поморщился, но все же махнул рукой:

– Идем!

Когда воины начали спуск, из кустов на взгорке осторожно вылез тот самый «звездочет». Убедившись, что стражники его не видят, он нацепил на посох свой войлочный колпак, поднял его и поводит в воздухе, подавая знак.

* * *

Анил соскользнул на землю с седла, с удовольствием потянулся, взглядом окинул туманный берег – и обомлел. У дальнего края лесного озерца, где над самой водой нависали раскидистые ели, плескались две совсем юные девушки. Их стройные тела отчетливо белели в подступающих сумерках.

– Эй, кто вы? – крикнул молодой арий.

Девушки захихикали, не делая даже малейшей попытки прикрыться или спрятаться.

– Плывите к нам! – закричал воодушевленный Анил.

Он замахал им руками. Незнакомки заулыбались, лукаво поглядывая в его сторону.

– Гляди-ка, бьярки!

– Холодно им там, наверное! – со смехом воскликнул кто-

то из стражей.

– Ничего, сейчас согреем!

– Давайте сюда! – наперебой закричали столичные воины, бросая оружие и торопливо раздеваясь.

Девицы, уже хохоча во все горло, принялись манить разгоряченных вояк к себе. Длинные черные волосы облепили их точеные плечи, словно водоросли.

– А ну-ка, сплавайте на тот берег и притащите мне этих девчонок сюда, – приказал Анил.

Лесная тишина наполнилась плеском, руганью и хохотом – стражи один за другим прыгали в воду.

– Ух, водица студеная! – слышались веселые возгласы. – Аж обжигает!

– А ну, кто первый?

Вскоре только четыре головы темнели на поверхности озера, быстро удаляясь. Анил расстегнул алый плащ, снял пояс с мечом и сумкой со свитками, положил все это на прибрежную траву и принялся стягивать сапоги, собираясь последовать за своими воинами. Он уже стянул один сапог, как вдруг застыл, удивленно моргая. Голов виднелось только три! Еще не веря, что случилось несчастье, он пересчитал плывущих. Три, определенно три...

Тут прямо на его глазах под темной водой исчезла еще одна голова, потом еще... Анил застыл, пораженный происходящим. Потом, не раздумывая, бросился в воду на помощь воинам. Но едва он вынырнул, как позади раздался крик.

Юный царедворец оглянулся – из леса появился давешний предсказатель, отчаянно размахивая посохом.

– Эй, эй! – вопил он, бегом спускаясь по пологому склону холма к озеру. – Назад, безумец! К берегу! Она приближается!

Анил растерянно глянул туда, где плескались девицы, но и там было пусто! Он остался посреди озера один.

Вдруг по воде совсем близко от него пошла рябь, будто нечто приближалось к нему из глубины.

Лицо юноши побледнело. Он развернулся и большими гребками поплыл к берегу. А Хаста все кричал:

– Скорее, несчастный! Она уже совсем близко!

Тут Анил почувствовал, как нечто схватило его за ногу и с силой рвануло вниз. Юный арий погрузился с головой и от неожиданности наглотался воды. Ногу пронзила боль, точно ее рванули клыками. Несказанный ужас охватил его, и он забился, как рыба, пронзенная острогой, в тщетных попытках освободиться.

– Она за тобой! – надрывался «звездочет», прямо в одежде вбегая в воду.

Зайдя по пояс, он поймал Анила за длинные волосы и, быстро накрутив на кулак, потащил к берегу. А неведомое чудовище, схватившее его за ногу, не желало его выпускать, тянуло в глубину и все сильнее сжимало челюсти...

Анил отчаянно брыкнул ногой, и ему наконец удалось вырваться. Вытащенный на сушу, он на четвереньках быстро

отполз от берега, скуля от страха и боли.

– Свернись клубком, быстро! – приказал ему «звездочет», срывая с плеч дорожный плащ, отяжелевший от воды.

Молодой придворный как-то и не подумал послушаться. Его спаситель размахнулся и целиком накрыл его плащом, оставив еле заметную щелку.

В следующий миг Анил прикусил губу, чтобы не заорать. Из-под воды с шумным плеском появилась ужасная морда с дырами вместо глаз и распахнутой щучьей пастью вместо рта. По сторонам жуткой хари свисали длинные плети буро-зеленых водорослей.

– Здесь никого нет! – крикнул Хаста, поднимая жезл. – Ты его не видишь, Мать Зверей!

Чудовище принялось водить мордой по сторонам, будто принюхиваясь. Потом, видно учуяв своего подранка, хрипло зарычало и прынуло на берег. У Анила от ужаса отнялись руки и ноги; он взобрался бы на верхушку ближайшей сосны, если бы был в силах хоть шевельнуться. Никогда он не считал себя трусом, но попробуй сохрани смелость, когда на тебя охотится хищная нечисть!

Предсказателю, впрочем, это пока удавалось.

– Ты не приближайся, о Тарэн! – выкрикнул звездочет. – Во имя небесного мужа твоего, златокудрого Сола, сгинь в бездну!

Заклинания, видно, подействовали – чудовище взвыло и начало медленно уходить в свои подводные владения. Вско-

ре лишь круги на воде говорили, что грозная Тарэн вообще здесь появлялась.

Хаста повернулся к лежащему на земле молодому воину и прошептал:

– Ползи.

– Куда? – шепотом спросил Анил.

– Вперед... И старайся не высовывать из-под плаща рук и ног. Под ним Тарэн тебя не увидит. Она ушла недалеко, она рядом... Она чувствует, как бьется твое сердце...

Подчиняясь прорицателю, Анил пополз по тропе в лес. В озере вновь громко плеснула вода. Хаста оглянулся, увидел, как из-под воды, держа в руках соломинки, выныривают довольные накхини, как Марга, отплеываясь, стаскивает с головы гнилую корягу, и беззвучно усмехнулся. Заставив высокородного гонца проползти еще с полсотни шагов, он наконец тихо сказал:

– Все, вылезай. Мы в безопасности.

Ошалевший юноша уселся на земле, вытаращив глаза и глотая воздух. Он поглядел на свою разодранную ногу и вскрикнул:

– Я ранен!

– Ерунда. Это лишь когти Тарэн. А вот если бы она вонзила в тебя свои ядовитые клыки... Твоим приятелям нынче повезло меньше. А ведь я говорил тебе, предупреждал! Зачем ты сошел с дороги? На ней Исварха видит тебя! А там, здесь, повсюду, – он ткнул в сторону озера, – владения Ма-

тери Зверей!

– Всему виной бьярские девки...

– Как! – Звездочет всплеснул руками. – Ты что, видел в озере обнаженных девушек?

– А ты разве нет? – с недоумением спросил Анил.

– Разумеется, там не было никаких девушек! И они вам что-нибудь сказали?

– Ничего... Только смеялись, манили...

– Бедолага, куда же ты полез! Это же бобрихи-оборотни. Любимые домашние зверьки Тарэн. Конечно, они ничего не сказали, ибо не умеют говорить. Все, что они могут, – это заманивать таких простаков, как вы, с дороги в чащу, где с ними расправляется их госпожа. А у нее сегодня, как я уже говорил, лунные дни!

– Какой же я был глупец, что не послушал тебя! – утирая лицо, пробормотал Анил.

– Теперь-то что говорить. Давай-ка я смажу твою рану целебной мазью. – Хаста полез в поясную суму. – А то ведь, не ровен час, Тарэн учует кровь и в самом деле пойдет по следу...

– Благодарю тебя, добрый человек! Я твой должник!

– Это уж точно. – Хаста окинул его взглядом. – Пока возьми мой плащ. Все равно он больше не защищает от нечисти. Все остатки его чудотворной силы я потратил на тебя. Но ты не переживай – когда мы дойдем до ближайшей деревни, я, так и быть, раздобуду тебе какую-нибудь одежонку...

– Постой, какая одежонка? – вскинулся арий. – Там на берегу моя одежда, наше оружие, кони... – Он запнулся. – Там моя сумка с письмами! Я должен во что бы то ни стало привезти ее в Яргару!

– М-да... – Хаста почесал затылок. – Ну тогда я, пожалуй, не буду переводить на тебя целебную мазь. Сейчас такую мало где достанешь. А там, на берегу, Тарэн все равно тебя сожрет, как твоих приятелей. У этой богини – ненасытная утроба! Она глотает людей, даже не жуя.

– Святое Солнце! Но что мне делать?!

– Да уж... – «Звездочет» покачал головой. – Связался я тут с тобой... Ладно, сделаю так – покуда заклятие действует, попробую раздобыть твою одежду. Если Тарэн еще не сожрала коней, попробую привести и их.

– И сумка! Там моя сумка!

– Если найду, прихвачу. А ты – на, сиди мажь ногу и призывай помощь Исвархи. Без нее нам придется туго.

Глава 2

Черные всадники

Хаста и Анил ехали верхом по лесной дороге. День выдался пасмурный, в воздухе висела сырость, и жрец дремал на ходу, время от времени резко дергая головой, чтобы в забываи не свалиться наземь. Накануне он привел от озера двух коней и отдал счастливому Анилу его меч и сумку с письмами. Все остальное – одежду, оружие и коней утонувших стражей, – по всей видимости, забрала Тарэн.

Однообразный путь тянулся через густые еловые корбы, перемежавшиеся болотистым мелкоколесьем, петлял по гривам, гатям, сухим островам... Косматые колючие лапы, казалось, тянулись к путникам, норовя схватить за край плаща. Чем ближе к полудню, тем нетерпеливее становился Анил. Он рыскал взглядом по окрестным зарослям и наконец, не выдержав, осадил коня.

– Послушай, почтенный звездочет! – раздраженно сказал он. – Быть может, ты не заметил, но мы ничего не ели уже со вчерашнего дня. Может, тебя питает свет звезд, но даже их сейчас в небе нет... Ты ведь умеешь видеть грядущее. Так загляни в него и скажи, где нас ждет обед, а то у меня скоро так брюхо завоет, что кони разбегутся.

– Могу нарыть корней, – зевая, отозвался Хаста. – Вон на том болотце точно должна расти лапчатка. Ею лечат многие

хвори, но можно и просто запечь ее корни.

– Лапчатка? – скривился Анил. – Предлагаешь мне есть болотную траву?

– Не хочешь болотную, поищи лопух, – устало ответил жрец. – Его корни тоже можно запечь в углях.

– Я что, кабан, чтобы питаться корнями?!

– Ну, если очень повезет, найдем дикую репу.

Тонкое лицо Анила приобрело страдальческое выражение.

– Репа – пища слуг!

– А еще было бы неплохо, – мечтательно протянул Хаста, – заварить отвар из желудей. Очень бодрит... – Он снова зевнул. – Мне бы это сейчас не помешало... Надеюсь, Исварха не даст мне вывалиться на ходу из седла...

И то сказать, прошедшей ночью он спал весьма мало. После того как измученный дневными волнениями Анил заснул мертвым сном, к месту их ночевки явилась Марга, видимо, наблюдавшая за ними из кустов.

Гревшемуся у костерка Хасте показалось, что за пределами выхваченного колеблющимся огнем круга чуть заметно шевельнулась ветка. Рыжий жрец мотнул головой, стараясь отогнать дремоту, но с той стороны послышалось настойчивое тихое шипение. «Ну конечно, – подумал он. – Марга или кто-то из ее девиц приползли проверить...»

Он на всякий случай оглянулся, прислушался к ровному

дыханию спящего, бесшумно встал и отошел в лесную сырую темноту.

Накхини возникла у него за спиной, едва он сделал десятков шагов.

– Все в порядке, ты доволен? – негромко спросила она.

– Нет. Совершенно не доволен, – так же тихо ответил Хаста.

– Отчего же?

– Я попросил тебя сделать так, чтобы стражники мне не мешали разбираться с этим знатным мальчишкой. А ты как с ними поступила?

– Но ведь они тебе не мешали? – холодно усмехнулась она.

– Марга, вспомни. Я ведь сказал, что достаточно заманить их в воду, утащить одежду и увести коней. И пусть бы они бегали по лесу голые хоть до первого снега. С остальным я бы управился сам.

– Ты и управился. Давно я так не смеялась!

– А мне было вообще не смешно. Зачем ты убила воинов?

Марга с недоумением поглядела на него:

– Потому что они были воинами!

– А если бы они были рыбаками, ты бы их пощадила?

– Скорее всего. К чему убивать рыбаков?

– Не понимаю, в чем разница!

– Хаста, как это может быть непонятно? – спросила она с выражением высокомерного удивления, которое уже давно раздражало жреца. – Эти стражники были людьми оружия.

Пусть скверными, а все же воинами. Погибли глупо, не разгадав западни, – но, считай, в бою. А ты предлагал опозорить их. Смерть куда лучше позора!

– То есть ты еще оказала им честь? – хмыкнул Хаста.

– Конечно. Я отнеслась к ним с уважением. Воин родится вновь и впредь будет повнимательнее. А позор – это клеймо. Жить с ним можно, но оно будет всегда жечь тебя. Ты никуда от него не уйдешь – так что и жить с ним незачем. Да и после смерти, прямо скажем, ничего хорошего не ждет...

Она помолчала, затем продолжила:

– Знаешь, какой худший позор для накха? Если враги возьмут его в плен живым и отрежут косу. Воин, который допустил такое... да лучше бы ему вовсе на свет не рождаться! Он обречен на жалкое существование, пока не отомстит врагу. И только после этого опозоренный получает право себя убить. Имя его будет предано забвению, зато дух освободится для новых перерождений!

Хаста мрачно промолчал, оставив при себе, что желал сказать по поводу накхских обычаев.

– Если это все, – продолжала Марга, – то ложись и отдохни: ты что-то бледноват. Я велю девочкам посторожить вас до утра.

Понимая, что спорить бесполезно, Хаста со вздохом кивнул и побрел к костру. Он улегся, стараясь отогнать мучившие его образы неудачливых вояк. «Господь Солнце, озаряющий наши пути, – беззвучно шептал он, – укажи им путь

к твоему вечному престолу! Ты, видящий все скрытое, знаешь, что я не хотел их гибели! Но все же виновен в ней не меньше того, кто стреляет вслепую из лука и своей рукой поражает друга вместо врага...»

Он так и проворочался без сна до самого рассвета. А вскоре уже Анил тряс его за плечо, призывая вместе встречать Солнце и торопя выступать в путь...

– Отвар из желудей?! Да прекрати ты наконец! Я говорю о еде! Обеде!

– Обед можно было бы отыскать на постоялом дворе, – вздохнул жрец, возвращаясь к беседе. – Но по этой дороге их почти нет. Потерпи, ясноликий, может быть, уже к вечеру мы будем в Яргаре.

– Мне говорили, тут должна быть деревня, – упрямо гнул свое Анил.

– И много ты их видел по пути?

Юный царедворец обвел взглядом обочины дороги:

– Может, по пути и не видел. Но гляди... – Он ткнул пальцем в растущий неподалеку куст. – Ветка обломана. Туда недавно свернул всадник. И не один.

– Глазастый, – под нос себе пробормотал Хаста.

Анил уже спешил и рассматривал землю, выискивая следы на примятых листьях.

– Да, всадники. Пятеро... А вот там они вышли на дорогу обратно... Но здесь к верховым уже прибавились пешие.

– Может, разбойники? – предположил Хаста.

– Если здесь когда-то и водились разбойники, то они съели всю местную репу и ушли в края побогаче, – насмешливо ответил юноша. – Какая здесь добыча? До зимней пушнины еще долго... Пошли по следам! Там наверняка деревня.

Хаста неохотно кивнул. Сломанные ветки и следы он заметил уже давно. Анил был прав, но ему совсем не хотелось вести юношу к укрытому от чужих глаз селению. Он хорошо знал, что в прежние годы бьяры охотно принимали гостей и, хотя не закатывали пиров, все же угощали местными яствами и давали кров, искренне полагая, что всякий странник приносит в дом счастье и удачу. Но с тех пор как мужчин начали угонять на строительство Великого Рва, бьяры стали сторониться чужаков и прятаться по чащобам, стараясь забраться поглубже, чтобы никакой незваный гость их не нашел.

– Хороший след, – сказал юноша, разглядывая землю. – Я не собоюсь.

– Кто его знает, как далеко он тянется, – проворчал Хаста. – Не хотелось бы оказаться посреди чащи, когда стемнеет. Так мы и сами можем оказаться чьим-нибудь обедом...

– Я чую запах дыма! – радостно перебил его Анил. – Вперед!

Хаста втянул воздух, принюхался и нахмурился. И впрямь, дымом в самом деле откуда-то тянуло. Но не тот был это дым, ох не тот...

Здесь что-то неладно, подумал жрец. Не стали бы всадники просто так соваться в лес. Они явно знали, куда едут. И этот горький запах гари... Может, Анилу и не приходилось с ним прежде сталкиваться, а Хасте, к его большому сожалению, не раз. «Или я стал слишком мнительным и теперь ошибаюсь? – подумал жрец, следуя за юношей верхом по узкой тропинке и время от времени отгибая с пути нависающие ветви. – Иногда дым – это просто дым...»

Однако на этот раз он не ошибся.

Анил растерянно оглянулся. Место, где они находились, несомненно прежде было бьярской деревней, однако теперь таковой уже не являлось. Всадники стояли среди обугленных развалин. Все уже отгорело, но над тлеющими черными пожарищами еще тянулись в небо вонючие струйки дыма. Во всей деревне не осталось ни единого уцелевшего жилища, даже изгородь общинного загона для лосей была старательно порушена.

– Эй! – зычно крикнул наконец Анил. – Есть кто живой?!

Вскоре из окрестных кустов, будто повинувшись его зову, начали робко выбираться чумазые, оборванные люди. Их было совсем немного – с полдюжины лохматых стариков и старух самого жалкого вида.

Один из обитателей разоренного селения, сморщенный старик с жидкой седой бороденкой, увидев знатного воина в дорогом плаще, упал на колени у самых конских ног и за-

причитал, протягивая руки к сапогу Анила:

– Благородный господин! Не вели нас казнить, у нас больше ничего нет. Остались лишь старики, женщины и дети. Некому идти на охоту, некому бить рыбу острогой, некому тянуть сети! Не карай нас больше, у нас и так забрали всех, кого могли! Мой младший сын по недоумию подбил парней на непослушание. Позволь нам снять их и похоронить, как велит обычай...

– О чем ты бормочешь, старик? – хмурясь, спросил Анил. – Встань и расскажи по порядку.

– Черные всадники приехали утром и потребовали десять мужчин на работы в Длинную Могилу...

– Куда?

– Думаю, он имеет в виду Великий Ров, – пояснил Хаста.

– Они приезжают уже не первый раз и собирались забрать последних. Мой неразумный сын... – старик всхлипнул, – схватился за копьё и сказал, что никто не пойдет.

– Что было дальше? – нахмурился Анил.

– Вон они, там...

Старейшина ткнул пальцем в сторону белеющей неподалеку березовой рощи, над которой вилась стая воронья. Анил пригляделся и побледнел. К верхушкам растущих у опушки деревьев были привязаны ошметки человеческих тел. Земля под деревьями почернела от крови.

– Что за разбойники это устроили?!

– Не разбойники, господин. Это воины благородного Дан-

хара.

– Данхар? Накхское имя, – пробормотал себе под нос Ха-ста, не в силах отвести взгляда от оскверненного березняка. «Чуяла душенька», – подумал он, борясь с дурнотой. Его замутило, из пустого желудка к горлу поднялась желчь.

Анил тоже выглядел потрясенным.

– Накхи здесь?! В Бьярме? Но ведь у нас с ними война!

– Это на юге война, – ответил Ха-ста, отводя взгляд от казненных. – А тут как знать, может, о ней еще и не слышали. Тебе, наверно, известно, что нахкская стража состоит на службе у наместников во всех землях, кроме вендских.

– И что, везде накхи творят подобное?

– Обычно нет. Но если прикажут... Я видал и похуже.

Они оба замолчали. Жители разоренной деревушки смиренно стояли вокруг, склонив головы.

– Это не государевы люди, а мерзавцы и душегубы! – гневно выпалил наконец Анил. – В чем бы ни провинились несчастные бьяры, они не заслужили подобной расправы! Поверь, мой дед – судья, и я знаю, о чем говорю. Неужели наместник Бьярмы мог отдать наххам такой приказ?.. Я, правда, слышал о нем мало хорошего, – запнувшись, добавил он. – Но это! Он все же благородный арий, а не кровожадный лесной дикарь... Должно быть, он не знает...

– Гмм... – протянул Ха-ста. – Сколь я знаю наххов, они не большие любители бессмысленного разбоя, зато отличаются завидной исполнительностью. И если уж что-то начали, так

непрерывно доводят до конца.

– Чепуха! – отрезал Анил. – Думай, о чем говоришь, звездочет, пока тебе не укоротили язык. Ни один из нас не отдаст подобного приказа. Мы ж не дикари какие-нибудь!

– Уж конечно, здешний наместник – мудрый и утонченный арий – понятия не имел, чем занимаются его воины, – смиренно поддакнул Хаста.

Анил подозрительно покосился на него. Уж не издевается ли чужестранец?

А Хаста вдруг впервые подумал, что приказ подавить с детства памятный ему голодный бунт в Ратхане тоже наверняка отдавал Гаурангу какой-нибудь надушенный златовластый вельможа в алом плаще. Который, возможно, даже не знал, где тот Ратхан находится...

– Разреши бьярам снять и похоронить родичей, – попросил он юношу. – Нельзя же оставлять тела вот так, лесным зверям на поживу...

– Без тебя знаю! – огрызнулся тот. – Эй, бьяры! Снимайте казненных!

– Но благородный Данхар запретил... – заикнулся было еще один старик.

– Что?! – взбеленился царедворец. – Какой-то мятежный нахк что-то запрещает ближайшему сподвижнику ясноликого Кирана? Да если его разбойники попадутся мне в руки, я велю развесить их таким же образом! Я, Анил из рода Рашны, повелеваю снять и похоронить убитых!

– Когда вы подготовите тела к огненному погребению, – негромко обратился к старейшине Хаста, повернувшись так, чтобы не видеть жуткого места казни, – я могу проводить их души к Исвархе... – Он осекся, взглянул на Анила, мысленно обругал себя и быстро добавил: – Я много странствовал и знаю все положенные в таких случаях песни и молитвы.

Но Анил не заметил его промашки.

– Ты же язычник, – недовольно сказал он. – Это я мог бы проводить их души к Исвархе. Хотя я и не жрец, но в моих жилах течет малая доля священной царской крови, отпирающей небесные врата. Вот только погребальный костер разжигают на рассвете, а у меня нет ни времени, ни желания оставаться здесь так долго.

– Вы уже оказали нам огромную милость, добрые господа, – поспешно отозвался старый бьяр. – Давайте мы поделимся с вами всем, что у нас осталось. Правда, у нас почти ничего нет. Только ржаные лепешки, репа...

Анил покачал головой:

– Ступай, старик, и похорони поскорее своего сына. А мы продолжим путь.

Он с удивлением почувствовал, что сейчас кусок не полезет ему в горло.

– И правильно, – тихо сказал Хаста, когда они той же лесной тропой покинули разоренную деревню. – Я и позабыл: бьяры ведь тоже язычники. Вон их там сколько было – сидели по кустам, ждали, пока мы уйдем. Они похоронят родню

по своим обрядам...

Анил, погруженный в задумчивость, его почти не слушал.

– Когда увижу наместника, непременно расскажу ему обо всем этом, – наконец пробормотал он. – Наверняка он не знает.

Глава 3

Великий Ров

Доверенный слуга низко склонился перед наместником Бьярмы:

– Шатер с угощением поставлен, господин!

– О, это хорошо. Это замечательно...

Ясноликий Аршалай, более десяти лет единолично правивший огромными северными пределами Аратты, благодушно улыбнулся и бросил взгляд на котлован, где сотни работников крепили скаты Великого Рва длинными сосновыми бревнами. За первым рядом надлежало забить в дно второй поблизости от первого, и, сшив их бревнами, забить доверху камнем. Слой валунов, глина, затем вновь валуны и опять глина... С высокого обрыва, над которым стоял наместник, строители, облепившие стены и дно рукотворного ущелья, казались муравьями.

«Превосходный вид, – отметил наместник. – И новый настил для шатра, надо признать, очень удобен. Даже перила поставили, чтобы я ненароком не сверзился вниз. Смотритель работ хорошо постарался. Не иначе как чем-то провинился...»

Аршалай был еще далеко не стар, но пухлые бока и толстые щеки прибавляли ему годов. Для знатного ария разъедаться подобным образом считалось позорным. А что поде-

лать, если в этом суровом краю пиры – чуть ли не единственная радость в жизни? Конечно, наместник мог бы при необходимости послать стрелу из лука, но, хвала Исвархе, у него уже давно не возникало такой необходимости. У Аршалая было круглое приветливое лицо, обаятельная улыбка, голубые глаза с прищуром и длинные редкие волосы. Наместник очень гордился их благородным золотистым отливом. Картину несколько портили веснушки, но их можно было и замазать белилами.

– Все ли благополучно с подвозом бревен? – поинтересовался Аршалай у смотрителя работ, который топтался поблизости, ожидая слов повелителя Бьярмы.

– Все бы ничего, да вот с быками беда, – почтительно ответил тот. – Здешние туры неукротимы, а те, которых пригоняют из полуденных земель, тут не приживаются. Привыкли к иному корму.

– Нехорошо... Столица требует, чтобы мы управились поскорее. Да как управишься? – вздохнул наместник. – Земля слабая, глинистая – чуть дождь, все плывет, крепи валятся! Комары поедают живьем, спасу нет! А зимы такие, что невольно вспомнишь комарье добрым словом...

– Так и есть, господин!

Румяное лицо наместника на миг приобрело несвойственную ему жесткость.

– Разве я тебя о чем-то спрашивал?

– Прошу извинить меня. – Смотритель работ согнулся в

раболепном поклоне.

– Дурак!

Аршалай отвернулся от него и раздраженно обратился к ждавшему своей очереди сотнику, возглавлявшему охрану Великого Рва:

– Твое дело – сторожить работников, не так ли? Так ответь – почему они у тебя разбегаются как зайцы?

– У меня неполных шесть десятков воинов, – принялся оправдываться тот. – На полдня пути, ясноликий господин! Я просто не могу уследить за всеми ссыльными. В последний раз землекопы сбежали вместе с надсмотрщиками. Кто бы мог подумать?!

– Если ты не можешь об этом подумать, я найду другого. Или тебе лучше работать там? – Он махнул рукой вниз, где, забывая сваи и вывозя в тачках землю, в будущем русле водоотводного канала копошились сотни людей. – С топором и заступом ты наверняка отлично справишься...

Сотник заметно побледнел. Работников на рытье Великого Рва слали со всех концов Аратты. Местные бьяры, которых тоже сгоняли сюда, хватая где ни попадя, между них числились самыми мирными и добродушными, хотя и от них можно было ожидать всяких каверз. А уж ссыльные – разбойники, бунтовщики, заговорщики... Спустись туда начальник охраны, хоть с топором, хоть без, – к утру, поди, уже и тела не найдут. Сбросят меж деревянных стен да камнями закидают. Не раз уже бывало, когда вчерашние лихие лю-

ди выбирали день потемнее да поненастнее, такой, чтобы и носа своего не разглядеть, не то что следы, – и в лес. А леса вокруг бескрайние...

– Сколько убежало в прошлый раз? – ворчливо спросил Аршалай.

– Десять висельников, господин. Все из болотных вендов. В прошлом мятежники, душегубы. Двух стражников убили, оружие забрали...

Наместник покачал головой:

– Молись Исвархе, чтобы Данхар их поймал! Если нет, пойдешь туда, – Аршалай ткнул пальцем вниз, – и займешь их место.

Сотник отступил на шаг, продолжая низко кланяться и что-то виновато бормоча.

Но Аршалай уже потерял к нему интерес. Заложив руки за спину, он глядел на уходящее вдаль, сколько видел глаз, рукотворное русло будущего Великого Рва. По обеим сторонам головокружительного котлована на сотни шагов простирались одни пеньки – лес рубили на крепях. Ров уже был глубиной в пять человеческих ростов. Меж деревянными стенами, укреплявшими его берега, едва долетала стрела из охотничьего лука.

Как всегда, окидывая взглядом исполинское строительство, наместник Бьярмы испытывал гордость и такой восторг, будто за спиной его разворачивались незримые крылья. Возможно, в будущем, через сотни лет, его имя вспомнится

лишь потому, что он свершил небывалое и воплотил дерзкий замысел святейшего Тулума. Подумать только – усмирить воды Змеева моря, направить их ярость по рукотворному пути, спасти от затопления целый край! Воистину богоравное деяние!

Аршалай вспомнил, как почти двадцать лет назад он прибыл в Бьярму из столицы – ничем не примечательный молодой чиновник при дюжине ученых жрецов из главного храма. Жрецы огласили приказ государя и представили тогдашнему наместнику Бьярмы чертеж, созданный лично Тулумом, а потом передали целый ворох свитков с описаниями и расчетами.

Конечно, дело тронулось с места не быстро. Одни твердили о дерзости вызова, брошенного Исвархе, и грозили небесными карами; другие указывали, что Страж Севера Гауранг уже строит защитную плотину; третьи нашептывали наместнику, что это невозможно, слишком грандиозно, слишком дорого... Но потом пришла большая волна и смыла незавершенную плотину вместе со строителями, Гаурангом и его войском. А затем Ратха вышла из берегов и затопила несколько городов, в одном из которых погиб царевич, старший сын Ардвана. Гибель наследника в потоке оказалась весьма убедительным доводом. Строительство Великого Рва началось.

Теперь Аршалаю уже казалось, что именно он подкинул святейшему Тулуму эту великую мысль. И уж во всяком слу-

чае он сделал для строительства куда больше, чем верховный жрец с его почеркушками. Знающий и расторопный юноша, отдававший Великому Рву все свои силы и умения, был отмечен тогдашним наместником Бьярмы. Спустя несколько лет Аршалай взял в жены его дочь, ну а впоследствии как-то так сложилось, что он унаследовал и должность наместника...

Так Великий Ров стал делом жизни Аршалая. Священный долг, спасение Аратты, доверенное ему самим Исвархой, его посмертная слава в веках... Да и что таить – его прижизненное благоденствие.

И вот где-то вдалеке уже забрезжил конец строительства! Еще два года, может, даже год, если очень постараться, – и Великий Ров достигнет южной оконечности Змеиного Языка. А там пройдет водораздел и соединится с полноводными реками и озерами дикого лесного края. Успеть бы до весны! Когда вновь придут воды Змеева моря – а они непременно придут, – они не устремятся уже на беззащитные побережья Бьярмы, сметая города и деревни, заставляя разливаться реки, а, смиренные крепкими стенами его Рва, будут питать озера и болота далеких, никому не интересных вендских земель...

Смотритель работ, ждавший в отдалении, все не уходил. – Так и думал, что-то стряслось, – проворчал Аршалай, отрываясь от созерцания. – Ну, чем меня порадуешь? – Я желаю этого всей душой, мой господин! Но порой Гос-

подь Солнце...

– Господь Солнце так устал от ваших жалоб, что уже который день не кажет из-за туч своего лица, – недовольно оборвал его наместник. – Придержи болтливый язык, не то я прикажу его вырвать. Говори лишь по делу. Итак?

– Мы наткнулись на камень. Огромная глыба...

– Надеюсь, это самородок горной сини? И ты просто не знаешь, как доставить его в столицу?

– Если бы, – сокрушенно вздохнул смотритель работ. – Обычный здоровенный валун. Торчит посреди рва, как последний зуб во рту старика! Мы докопались до его низа, пробовали сдвинуть... Но чтобы вытащить глыбу, нужен подъемник, какого у нас нет.

– Что же тебе мешает его построить?

– Мы пытались. Самые толстые канаты из крапивы рвутся, как гнилые нитки...

– И что ты думаешь предпринять?

– Придется разбивать валун. Но на это уйдет не меньше трех дней. В лучшем случае.

– Будем смотреть правде в глаза, – произнес Аршалай, складывая руки на груди. – Ты хочешь сказать, что дней пять, а то и больше, вы будете ковыряться с этим камнем. А сколько их там еще, ведает лишь Исварха... И все это время я должен кормить работников, давать им кров и, главное, держать ответ перед святейшим Тулумом, почему вы копаетесь тут, как дождевые черви, а рытье еле движется... Так и

отписать ему?

– Я приложу все усилия...

– Очень на это надеюсь, – брезгливо поморщившись, кивнул Аршалай. – Иначе к тебе самому приложат усилия Данхар и его накхи...

– Позвольте, я пойду, – умоляющим голосом попросил смотритель работ.

– Конечно! Ступай, я жду от тебя скорейшего решения, как убрать глыбу.

Закончив говорить, Аршалай повернулся к слуге, ожидавшему у края настила:

– Ты говорил, обед уже накрыт? Проводи-ка меня, дружок.

– Доблестный Данхар только что приехал, – произнес тот. – Он ждет в шатре...

– И ты молчал? Нехорошо!

– Я не смел вмешиваться в беседу. Ясноликий был занят...

– Для Стража Севера я всегда свободен.

* * *

Длинную черную с проседью косу Данхара переплетала широкая серая лента – знак рода Хурз. Лицо воителя пересекали два шрама: один прочертил лоб и левую бровь, другой змеился по правой скуле, приподнимая верхнюю губу,

как будто Страж Севера постоянно скалился. В остальном, невзирая на преклонный для накха возраст, ближайший сподвижник Аршалая не имел никаких изъянов. Он был строен, широкоплеч, легок в движениях, как юноша. О его искусном владении оружием ходили почтительные рассказы даже среди накхов.

Страж Севера молча прохаживался по широкому деревянному помосту, укрытому от ветра полотняным навесом и застеленному пестрыми мягкими шкурами. Короткие мечи за спиной, рукояти метательных ножей, торчавшие из-за наручей, острый граненый наконечник, вплетенный в косу, недвусмысленно намекали, чем именно недавно, впрочем, как и всегда, был занят глава личной стражи наместника. Жители Бьярмы дрожали от ужаса при одном звуке его имени, а каждый ссыльный из Великого Рва удавил бы его своими руками, если бы только посмел. Данхар об этом прекрасно знал и считал, что так и должно быть.

Страж Севера жил в Бьярме даже дольше, чем Аршалай. Он служил еще прежнему наместнику, а когда власть сменилась, без колебаний перешел под руку новому. Многие задавались вопросом: почему этот знатный накх покинул родные горы и явно не желает туда возвращаться? Многие из его племени служили по всей Аратте, однако никогда не порывали связи с родиной. Но Данхар будто и вовсе позабыл о Накхаране. Неслыханное дело! Ходили смутные слухи о его неладах с Гаурангом, но с тех пор минуло уже почти два де-

сятка лет...

– Данхар, друг мой! Не представляешь, как я рад тебя видеть! – Аршалай вошел в шатер и, раскинув руки для объятий, устремился к накху. – Прости, что заставил тебя ждать! Присаживайся, ты наверняка проголодался.

Воин лишь небрежно кивнул и, не снимая мечей, уселся на шкуры. Аршалай сел напротив и сделал знак слуге подавать на стол.

– Полагаю, охота была удачной? – дождавшись, пока гость утолит голод, спросил наместник.

– Да, я привел семерых.

– Но ведь убежали десятеро?

– Трое подняли оружие на моих людей и были убиты на месте, – сообщил Страж Севера, быстро разжевывая вместе с косточками одну за другой небольших жареных птичек.

– Ну конечно, как же иначе, – вздохнул Аршалай. – Скажи, друг мой, ты умышленно сел напротив блюда с перепелками в меду и семи ароматных травах?

– Гм... это были перепелки? Я и не заметил!

– Даже не сомневаюсь в этом, – с болью в голосе подтвердил наместник. – Взгляни, вон там – жареная поросьячья нога. Почему тебе было не сесть сразу возле нее...

Данхар пожал плечами, схватил окорок и принялся его обгладывать.

– Так вернемся к нашим беглецам. Скажи, дорогой друг, неужели беглые разбойники были такими невероятными

бойцами, что твои люди не смогли их обезоружить, связать и притащить сюда?

– Зачем?

– Затем, что для рытья Великого Рва нужны руки... Нет-нет, я не призываю тебя вернуться и привезти мне их руки! Но ведь тебе же ничего не стоило взять их живыми. Теперь мне придется думать, где найти новых...

– Еще пришлют, – отмахнулся Данхар. – Мне важно, чтобы все здешние ублюдки знали: «поднять оружие на накса» и «умереть» значит одно и то же.

– Внушительно звучит! – восхитился Аршалай, едва пригубив вина. – Мне всегда нравилось, как ты выражаешься. В твоих речах веет дыхание роковой неизбежности... Но вот в чем беда – новых людей могут и не прислать.

– Как так? – поразился накс. – В Аратте перевелись воры и заговорщики?

– Скорее наоборот. Пока ты охотился за беглецами, я получил письмо из столицы с потрясающими новостями...

Аршалай многозначительно умолк, поглядывая на собеседника.

– Рассказывай уж, не томи.

– Случилось нечто неслыханное. Государь Ардван скончался – да воссядет его божественная душа на небесном престоле!

– Да воссядет, – повторил Данхар без особой скорби.

– Ты спросишь, почему он умер? Его убили, задушили но-

чью в постели, – продолжал Аршалай, не сводя глаз с соратника. – Его дети – Аюр и Аюна – пропали бесследно... К слову сказать, во всем этом обвинили твоих соплеменников – накхов.

– Мои соплеменники верно служат престолу, – возразил Страж Севера. – Никто из них и не думает о мятеже.

– Значит, они устроили его, не подумавши. Судя по тому, что Ширам у всех на глазах умыкнул дочь Ардвана прямо из ее покоев, так оно и было...

– Что? – хмыкнул Данхар. – Откуда ты берешь такие нелепые новости?

– Сам удивляюсь, друг мой. Но так сказано в письме, а у меня при дворе надежные глаза и уши. Саарсан потерял голову от любви и лично зарубил несколько десятков стражников, чтобы добраться до царевны... Кровь лилась ручьями по дворцовым мраморным полам...

– Будь ты сказителем, я бы бросил в тебя сейчас огрызком.

– Уж прости, что не усладил твой слух должным образом! Словом, Ширам увез царевну Аюну из дворца. А потом вместе с воинами и жившими в столице родичами сбежал в Накхаран.

– Экая ерунда! – презрительно произнес Страж Севера, снова принимаясь за еду. – Твой осведомитель давно не получал по своим хваленным ушам. У Ширама в столице было несколько сот человек, и все отменные бойцы. С таким отрядом при желании он мог вырезать Верхний город без остатка.

– Ты полагаешь? – поднял бровь наместник.

– Это так же верно, как и то, что я тебя вижу. Я не слишком высокого мнения о молодом саарсане. По мне, так он – лишь бледная тень своего отца. Вот тот был великий воин, хоть и редкий мерзавец. Однако мальчишку своего воспитал как должно. Ширам не стал бы убежать.

– Вот как?

– Уверен.

– Может, ты и прав. Однако Киран, нынешний блюститель престола, утверждает совсем иное...

– Киран? С трудом припоминаю.

Аршалай взглянул на него несколько удивленно:

– Разве ты его не знаешь? Ах да, ведь это я вел с ним дела по ссыльным... Тогда как бы тебе объяснить... Муж старшей дочери солнцеликого Ардвана.

– Это единственное его достоинство?

– Он был наместником у болотных вендов лет десять назад.

– А, этот... Не слишком-то он там преуспел.

Аршалай со вздохом возвел глаза к небу.

– Чем еще славен этот муж дочери государя? – спросил нахх.

– Ну, он красив, речист и обходителен. Придворная молодежь в нем души не чает.

Страж Севера вновь презрительно скривился:

– Как по мне, эти придворные еще хуже разбойников, ко-

торых мы сегодня изловили. Те хоть могут копать землю и ворочать камни.

– Данхар, смири норов! Ты все же говоришь о благородных арьях.

– Аршалай, когда я увижу, как они вкапывают бревна и ставят крепи, я буду готов извиниться перед каждым из них лично...

– Кстати! – хлопнул себя по лбу наместник. – Совсем забыл! Мне же прислали приказ за подписью Кирана.

– Какой?

– Разоружить тебя и заковать в цепи.

Данхар пристально поглядел на старого друга. Потом от души расхохотался, хлопая ладонью по столу.

– И нечего смеяться! – еле удерживаясь, чтобы не прыснуть, с деланой укоризной воскликнул Аршалай. – Они там во дворце так и написали: «Разоружить и заковать в цепи!».

– А-ха-ха!

– И всех твоих накхов тоже...

Эти слова вызвали новый приступ хохота у Стража Севера, к которому присоединился и наместник.

– Похоже, столичные арьи еще глупее, чем я предполагал, – отсмеявшись, произнес Данхар. – И что же ты намерен делать, дорогой друг? Будешь меня разоружать?

– Друг мой, уж конечно, я не попытаюсь расстаться с жизнью столь причудливым образом. Я отпишу в Лазурный дворец, что ты со своими накхами заперся в лесной крепости, а

я тебя там осадил. И попрошу, чтобы мне прислали подмогу.

– А если и вправду пришлют?

– Видимо, ты прослушал. Ширам из столицы направился напрямиком в Накхаран. Полагаю, он не станет отсиживаться в горах, а наберет войско и вернется мстить. Блюстителю престола явно будет не до нас. Ну а если у накхов все пойдет настолько хорошо, что они захватят столицу... То я сдамся тебе в плен. Ты ведь меня не выдашь?

– Конечно не выдам.

– А пока они там в полуденных землях будут пускать друг другу кровь, мы найдем, чем заняться в Бьярме.

– Ты о чем это? – насторожился Страж Севера. – Уж не хочешь ли ты...

– Тсс! Если бы хотел сказать, то сказал бы. Не спеши. Пока мы будем делать то, что нам велено, – копать Великий Ров. И очень, очень внимательно прислушиваться к новостям с юга. Верю, в свое время Исварха подскажет нам, как поступить... А пока, друг мой, если ты уже насытился, следует поглядеть на твой улов.

– Что на них глядеть? Дать палок, и в котлован.

– Нет, ты не понимаешь, – вздохнул наместник. – С работниками так нельзя, иначе они обозлятся. Те, кто выживет после наказания, захотят сбежать вновь и на этот раз постараются быть хитрее. Знаю, ты найдешь их. Но мертвецы нужны воронью, а для работы они бесполезны.

Аршалай повернулся и окликнул ждавшего у помоста сот-

ника.

– Веди сюда беглецов.

Глава 4

Огненный всадник

Семеро вчерашних бунтовщиков были приведены пред ясные очи наместника. Руки их были скручены за спиной так, чтобы соприкасаться локтями и запястьями, лица перекошены от боли.

– Ну что, набегались? – отпивая вина из чаши, спросил Аршалай.

Долговязый светловолосый бородач из болотных вендов поднял голову и оскалился, явно выражая общий настрой пленников. Лицо его было бурым от грязи и засохшей крови.

– Вижу, не набегались. Ладно. Вот ты, – он указал на бородача, – как тебя зовут?

– Звать не зовут, а кличут Варлыгой, – буркнул тот.

Аршалай кивнул, не выдавая удивления. Большинство вендов и двух слов связать не могли на языке Аратты, а этот говорил так же чисто, как он сам. Отметив для себя разобраться с этой странностью, наместник продолжил:

– Так вот, Варлыга. Поскольку милосердный Данхар не лишил вас завидной возможности разговаривать, предлагаю вам выслушать меня и дать ответ. Я понимаю и уважаю ваше желание быть свободными. Но и вы в ответ должны уважать мой долг наместника Бьярмы. Днем и ночью я радею о благе вверенного мне края и пекусь о его спасении. Ты же

не хуже меня знаешь, что нас всех ждет, если Великий Ров не будет построен вовремя! Что же это получается – вы заодно с Первородным Змеем, насылающим воды проклятого моря на жителей Аратты? Или вам начхать на гибель тысяч невинных? Тогда вы не просто нарушили закон! Вы явили нечто худшее, чем жестокость, – равнодушие!

Аршалай воздел пухлые руки к небесам в порыве праведного возмущения. Данхар, глядя на него, откровенно ухмылялся. Беглый венд молчал, отлично понимая, что в его ответах тут никто не нуждается.

– Ну, коль мы достигли взаимопонимания, – переведя дух, продолжал наместник, – выбирайте, как мне с вами поступить – по закону или по справедливости?

Варлыга бросил несколько слов своим сотоварищам. На лицах смутьянов появилось выражение настороженной задумчивости. Что такое «по закону», каждый из них знал не понаслышке. Беглеца в обхват привязывали к колоде и начинали бить палками. Не слишком сильно – но вскоре спина бедняги превращалась в один сплошной кровоподтек, малейшее прикосновение к которому причиняло мучительную боль. А казнь не прекращалась. Удары сыпались без остановки, лишь палачи сменялись, чтобы передохнуть. Так могло тянуться очень долго – полдня, день... Порой избитый до полусмерти беглец уже не мог даже кричать и только молил добить его. Но когда не было приказа забить насмерть – били до потери сознания, потом обливали водой и спускали в ров.

Если наказанный не умирал от невыносимой боли, вскоре он уже мог вновь работать...

– По справедливости, – прохрипел Варлыга.

– Что ж, хорошо. Мудрый выбор! Итак... – Аршалай переплел пальцы и возвел глаза к облакам. – Вы скитались по лесам пять дней. И все эти дни кто-то там, внизу, работал за вас. Итого вы должны пять дней работы. Не мне – вашим товарищам там, внизу. Далее... Эти пять дней Данхар и его люди ловили вас и тащили сюда. Стало быть, вы без толку потратили и дни их жизни. Это время тоже следует отработать... А что это вы так на меня уставились, будто хотите меня сожрать? Сами прекрасно знаете, что Великий Ров – не моя прихоть! Стало быть, вам следует отработать десять дней. Я даже не стану ничего прибавлять сверх того – ведь мы уговорились о справедливом наказании. Но это время вам придется наверстать... – Голос наместника, дотоле мягкий, приобрел внезапную жесткость. – И наверстать очень быстро. Там, во рву, торчит огромный камень. Если к следующему утру вы сумеете его убрать, я буду считать, что вы свое отработали. А если нет...

Аршалай в несколько глотков допил вино и поставил серебряную чашу на стол.

– Я буду вынужден казнить вас. Хотя, Исварха свидетель, мне этого совсем не хочется. И я от души желаю вам успеха.

Он поглядел на сотника и приказал:

– Уведите.

Когда наместник и Страж Севера вновь остались наедине, Данхар проговорил:

– Все же я тебя не понимаю. Зачем ты посылаешь их воровать скалу? Всякому же ясно, что им не справиться. Всемером им никогда не поднять каменюгу...

– Так и есть. Но быть может, они додумаются выкопать яму величиной с этот камень и столкнуть его туда. Если так, я не просто сохраню им жизнь, а назначу того венда десятником строителей. Похоже, он толковый малый... Но оставим этих несчастных их судьбе. Как ты смотришь, не устроить ли нам охоту?

* * *

Варлыга мрачно поглядел на хохочущих стражников на краю рва. Затем перевел взгляд на скалу... Конечно, никакой надежды ни раздробить ее, ни вытянуть наверх не было. Огромный валун был широкий в основании, постепенно сужающийся к верхушке, высотой в два с лишним человеческих роста. Семеро беглецов столпились возле него, со стонами и оханьем разминая руки, затекшие от жестоких нахских пут.

– Да, братцы... – проговорил один из дривов, кривясь от боли. – Похоже, дела наши плохи... Это не камень, а целая скала! Нам его вовек не сдвинуть, не то что до завтрашнего утра.

– Вот угораздила его нелегкая залечь прямо на пути Рва. – Его сородич скрипнул зубами. – Чуть бы в сторонке лежал...

– Что уж рассуждать? Он здесь. И сам по себе никуда не уползет...

– А вот я слышал, бьяры сильны в ворожке. Может, попросим? Они пошепчут, он и поползет себе...

Дривы одновременно посмотрели туда, где по соседству с ними трудилась целая толпа бьяров. Лесные жители вяло втыкали кирки в глину, а по их отсутствующим лицам казалось, что душой они и вовсе не здесь, а где-то в родных чащобах.

Варлыга вздохнул. Надсмотрщики, несомненно нарочно, поместили беглецов подальше от соплеменников. На строительстве было много вендов, и, по правде сказать, их-то силами оно так споро и продвигалось. В последние годы их гнали сюда без передышки. Началось это еще во времена наместничества Кирана в болотном краю, и с тех пор поток ссыльных не иссякал.

Однако сейчас пойманных мятежников окружали сплошь обитатели местных лесов. Рядом с могучими дривами они казались особенно тощими, маленькими и несчастными. Если венды – те, что выживали, – как будто обрастали жесткой колючей броней, то бьяры вроде и не бунтовали открыто, а попросту потихоньку угасали. Варлыга и сам не раз видел, как тот или иной бьяр ронял свой заступ, ложился на землю, и никакие кары больше не могли заставить его вернуться к

работе...

– Почему светлый Яндар от нас отвернулся? – с горечью проговорил один из беглецов.

– Потому что свой край от врагов не уберегли, – буркнул Варлыга. – Вон арьи наши дома захватили и священные болота подожгли, а мы что?

– Мы с ними бились, – возразил кто-то.

– Значит, плохо бились, раз мы тут...

– С бьярами-то арьи так не обходились, как с нами, – добавил еще один дрив. – Не обижали...

– До поры. А теперь видишь, что творится? И они здесь. Всех, кого нашли, сюда согнали, у всех семьи голодают.

– Скоро зима. И так работа непосильная, а уж когда земля замерзнет...

– Что встали, стервецы? – донесся сверху далекий окрик надсмотрщика. – Разбивайте камень!

– Чем? – выкрикнул ражий дрив по прозвищу Дичко, потрясая заступом. – Вот этой деревяшкой? Сам-ка поразбивай!

В воздухе просвистела стрела и вонзилась в черенок заступа, который парень держал в руке.

– Ладно, убедил, – хмыкнул Варлыга. – Руки у всех отошли? Тогда – к камню.

Бунтовщики сгрудились у скалы, делая вид, что ковыряют заступами ее основание.

– Бежать надо, – озвучил общую мысль Дичко. – Камень нам не сдвинуть. Ясно же, что наместник хотел поизмываться над нами напоследок. К утру мы будем здесь лежать без сил, и Аршалай велит устроить над нами расправу в назидание остальным...

Варлыга нахмурился. Нет, не просто поиздеваться хотел над ними Аршалай. Ну и это, конечно, тоже – но он дорожит каждым рабочим, а беглые венды – из лучших. Понимая язык Аратты, Варлыга знал о строительстве куда больше прочих. И что Аршалай торопится, и что ему остро не хватает средств... Хотел бы казнить, так и казнил бы.

И вдруг такое невозможное задание!

От раздумий вожака беглецов оторвал чей-то оклик. Он повернул голову, и его лицо просветлело. Варлыга выпрямился, шагнул навстречу подошедшему молодому бьяру и обнял его:

– Рад тебя видеть, друг Андемо!

– И я рад, – отозвался ссыльный бьяр на его языке, – хоть дела творятся нерадостные.

Андемо был невысокий, темноглазый, болезненного вида парень с двумя косицами на висках. Варлыга уже давно его приметил. И потому, что молодой бьяр говорил на языке вендов, который, по его словам, выучил уже тут, на строительстве. И потому, что прочие бьяры явно уважали его, невзирая на телесную немощь, – Варлыга пока не вызнал почему. Андемо держал себя очень скромно, даже чересчур, однако

в нем ощущалась некая скрытая сила. У бьяра тут же, в котловане, работали два брата, но они были обычными землекопами из бывших охотников.

– Тут я слышал, стражники между собой говорили, – тихо произнес Андемо, – если не уберете камень, на нем-то вас утром накхи и казнят.

При слове «накхи» беглецы с ненавистью зашипели:

– Твари... Кровопийцы проклятые...

В памяти был еще слишком свеж их неудачный побег и то, как воины Данхара выслеживали их, будто развлекаясь охотой на беглецов. Это началось на третий день их побега – из лесной чащи внезапно полетели дротики, не убивая, а лишь нанося глубокие царапины. Найти тех, кто бросал дротики, оказалось невозможно, – казалось, их кидают невидимки или лесные духи. И куда бы дальше ни бежали венды, изо всех сил пытаясь оторваться от преследователей, дротики настигали их и больно жалили, заставляя только ускорять бег. Через два дня метаний по лесу совершенно измученные беглецы вышли на знакомое открытое пространство. Перед ними вновь был Великий Ров, а позади из лесу один за другим выходили хохочущие накхи.

Вот тогда-то трое из ссыльных в отчаянии схватились за оружие, и Варлыга не успел их остановить...

– Этот Ров, будь он неладен, – Дичко плюнул в грязь под ноги, – злее всякого колдовства! Он затеян ради нашей гибели! Думаете, куда он ведет? Куда потекут воды Змеева

моря? К нам, в наши реки и озера! Или у нас своей воды мало? Холодная Спина сочится с каждым годом все сильнее! К северу все заболочено...

– Так и есть, – кивнул молодой бьяр. – У нас тоже поговаривают, будто светлые господа арьи хотят запустить к строптивым вендам Хула в змеином обличье...

Его слова вызвали новый всплеск негодования.

– И мы должны сами копать змею путь в наши земли!

Дичко схватил бьяра за плечо и тряхнул:

– Мы все слышали о бьярских колдунах! Есть у вас тут колдун? Ну ведь есть, скажи! Пусть призовет ваших лесных духов! Слышишь меня, немочь?

Андемо ничего не ответил. Впрочем, судя по его виду, и не особо испугался.

– Отпусти его, Дичко! – с досадой приказал Варлыга. – Кого они тебе позовут? Да будь у них хоть какой колдун, неужели они тут помирали бы, копая ров?

– Это уж точно, – подтвердил еще один дрив. – О бьярском колдовстве только слухи ходят, а как до дела... Помню, хотели было этих заставить лес рубить, раз уж на земляных работах от них вообще толку нет, так вышло еще хуже. Один вцепился в дерево и орет: «Ах, не трогайте сосну! В ней душа моего прародителя!»

– Его послушали? – спросил Андемо.

– Да кто бы его слушать стал? Стражи оттащили его, дерево срубили. А этот, как сосна упала, лег и помер, так что,

может, и не врал.

У бьяра на миг что-то промелькнуло в глазах.

– Тот, кто рубил дерево, свое получит, – сказал он.

Венды ему не ответили, только кое-кто из них пожал плечами. Грозиться всякий горазд, а ты докажи...

– Вы меня послушайте. Бьярские чародеи – самые сильные во всех земных пределах, – не отставал Дичко. – Сказывают, на далеком юге есть колдуны-облакопрогонники, те грозами повелевают и насылают вихри. Но бьяры-то зверям приказывают! Помню, когда нас сюда гнали, один стражник в бьярской деревне пнул старичка, да еще посмеялся над ним. А ночью того стражника медведь задрал. Из лесу вышел, будто его призвал кто... А может, старичок тем медведем и был!

– Да и я слышал о бьярских оборотнях, – подтвердил еще один. – Еще когда в вендской страже служил, ходили слухи о священной роще к северу от столицы. Там жил оборотень-росомаха, и все его так боялись, что даже дорога мимо того леса заросла...

– Ну и где ваши оборотни? – возразил Варлыга. – Эти, что ли, доходяги, которые ковыряются в земле, не поднимая головы? Да они даже в малую змейку не способны обратиться, чтобы уползти отсюда! Будь тут настоящие колдуны, они бы уже давно обернулись медведями, росомахами или кем они там умеют, загрызли бы стражу и сбежали в леса, а не дошли с голоду вместе с прочими...

Он оборвал речь и покосился на Андемо. Тот стоял с отсутствующим видом, будто и не о его сородичах тут говорили.

– А что, если попробовать взбунтовать их? – предложил дри́в, служивший в столице. – Вон их сколько!

Варлыга вновь бросил взгляд на безучастного Андемо, вздохнул и объяснил:

– Бьяры не способны действовать заедино. На воле они живут крошечными деревеньками в одну семью. Только по большим праздникам вместе сходятся, чтобы почествовать богов.

– Ну а еще как переполох устроить? Шуганем бьяров, они все бросятся наверх, стражу сомнут, а пока их будут разгонять, мы...

– Ха! Чем же ты их шуганешь?

– Надо подумать...

В этот миг за их спинами раздались крики, то ли испуганные, то ли удивленные.

– Что стряслось? – вскинулся Варлыга.

Закатное солнце еще висело над зазубренной кромкой леса. В разрывах туч полыхал алый раскаленный край светила. Длинные и прямые лучи клинками били точно в верхушку скалы; слюдяные прожилки, испещрявшие серый камень, полыхали золотым пламенем. Варлыга удивленно моргнул – ему показалось, на вершине скалы в золотистом блеске проступает образ всадника, выезжающего из огня.

– Это еще что? – пробормотал один из дривов. – Конь, что ли? Или паук?

– Какая разница, – оборвал его Варлыга. – Ты погляди на бьяров, как уставились! Эй, Андемо, что тут творится?

Тот не отрываясь смотрел на верхушку скалы. Кажется, он стал бледней прежнего. Губы его зашевелились, что-то еле слышно повторяя по-своему. А огненный знак, будто вслушиваясь в его речи, разгорался все ярче. Вскоре и дривы ясно увидели на камне образ всадника верхом на диковинном существе.

Вокруг раздавалось мерное бормотание. Бьяры оставили лопаты и заступы и обступили камень, простирая к нему руки.

– Кто это? – прошептал Варлыга, с недоумением и страхом взирая на огненное видение.

– Небесный всадник, наш Зарни Зьен, – отозвался Андемо. На его бледном лице, исполненном жгучей надежды, проступил румянец. – Сын солнца и мрака, покровитель и защитник людей, на шестиногом лосе явился из заоблачных чертогов, чтобы спасти нас!

– И впрямь, всадник! Смотрите, руку поднял!

– Он запрещает морю идти сюда!

– Нет, он запрещает дальше копать Ров!

Венды заволновались. Не каждый день увидишь знамение, да еще чужого бога. Кто знает, гнев или милость явит он иноплеменникам? Однако всем было понятно – огненный

всадник вышел из скалы совсем не случайно!

– Он за нас! – воскликнул Дичко. – Это знак! Андемо, скажи бьярам, пусть хватают кирки и заступы и бьют арьев!

– Зарни уже явился, – тихо, но твердо отозвался Андемо. – Вот он, наш защитник. Зачем воевать?

– Что за бредни? Пусть убивают надсмотрщиков!

– Мы не станем никого убивать...

Дичко выругался. Солнце спряталось в облака, и видение медленно угасло. Варлыга пристально смотрел на камень. Чего же хотел от него Аршалай? В чем загадка? Вытащить камень нельзя. Разбивать тоже... Огненный всадник...

Он резко обернулся к Андемо:

– Переведи своим: Зарни Зьен вышел из этой скалы, его божий образ на ней запечатлелся. Давайте же спрячем священный камень от наших мучителей, пособников Змея! Бьяры, копайте яму!

Глава 5

Звездочет и ловчий

Высившаяся на утесе Яргара была самым старым городом в землях бьяров. В незапамятные времена земная твердь здесь сломалась, как засохшая лепешка, и ее края напоззли один на другой, будто ледяные торосы. На самом краю вознесшегося в небо скалистого выступа, откуда было видеть чуть ли не все окрестные леса, стояла добротная деревянная крепость, а при ней – небольшой посад. Над гремящей рекой, что срывалась с обрыва поблизости от Яргары, до самых морозов висело облако из мельчайших капель.

Какие силы вздыбили здесь землю? Всякому известно – горы медленно растут из земли, будто грибы, только рост их незаметен. Горам некуда торопиться. Всякий год они, как звери, белеют к зиме и обрастают новой пестрой шерстью весной. И так – столетие за столетием. Но утес, на котором построили Яргару, явно возник иначе. Что же здесь случилось? Сражались между собой ныне забытые боги? Вырвался из заточения могущественный древний дух? Кто знает!

Река, падавшая со скалы, дальше устремлялась в большое озеро, питавшее несколько мелких речушек. Считалось, что именно здесь находится исток Ратхи. Когда-то берег озера облюбовали бьяры для менового торга с арьяльцами. Позднее на скале над водопадом велением Аратты был выстро-

ен укрепленный городок. Яргара стала последней настоящей крепостью в этих землях. Бьяры считались миролюбивым племенем, оттого постройку других укреплений в столице сочли излишней. Полторы сотни домов и складов, незатейливый частокол, чтобы медведи не заходили, одна надвратная башня и три сторожевые – вот и вся Яргара.

Местный городской голова сперва обомлел, когда к нему заявился Каргай со своим ловчим войском. В первый миг он решил было, что нагрянул неведомый враг, который разнесет его жалкие укрепления в мелкие щепки. «О Святое Солнце, что за жуткая рожа! – думал он, глядя на одноглазого маханвира самой свирепой наружности. – А еще говорят, бьяры не воинственны!» Однако, выяснив, что Каргай никакой не мятежный бьяр, а государев человек с особо важным поручением, градоначальник еще сильнее пригорюнился. Сотни воинов, десятки возов, волы, кони – поди все это разместить и прокорми! Делать нечего – приказ блюстителя престола надо выполнять. К облегчению посадника, Каргай своих людей внутри городских стен размещать не стал. Он устроил стан на склоне горы и лишь изредка заезжал в город обсудить дела.

Огонек светильника едва позволял разглядеть буквы на тонкой коже тайного свитка. Впрочем, и в ясный день Каргаю проще было выстроить линию колесниц или усмирить неотесанных вояк, чем заставить буквы заговорить. Он по-

глядел на оттиснутую на воске голову вепря, сломал печать и привычным движением перебрал свиток сидевшему рядом старичку – жрецу Исвархи.

Седобородый жрец развернул свиток:

– «Киран, блюститель престола, – маханвиру Каргаю». – Нараспев прочтя обычные слова чествования, он откашлялся и огласил: – «Посылаю к тебе одного из моих ближних людей, благородного Анила из рода Рашны. Предписываю дать ему отряд в двадцать всадников, да изловит он злокозненного беглого жреца Хасту и сопровождающих его накхов, кои отправились в бьярские земли чинить разбой и разжигать пламя мятежа. Повелеваю, чтобы сей Анил имел в надлежащей мере боевое снаряжение для своих воинов и овес для коней...»

– Все? – без всякой радости глядя на юного посланника, спросил Каргай.

– Тут еще имеется приписка, что обо всем прочем посланец расскажет сам, – добавил жрец, с поклоном возвращая свиток.

– Можно подумать, меня это занимает, – буркнул военачальник.

Анил надменно вскинул голову и с неприязнью поглядел на маханвира ловчих. Прежде, в столице, он его не встречал и теперь понимал почему. «Ну и страшилище, – думал юный арий. – Один его вид оскорбил бы своды Лазурного дворца! Скуластый, рябой, одноглазый, да еще шрам распахал лицо

сверху донизу... Уцелевший глаз – что у кабана, маленький, злобный... Дикий, как леса вокруг этого жалкого городишки! И чем этакая зверюга ухитрилась заслужить милость ясноликого Кирана?»

– О чем же таком он мне расскажет? – рявкнул Каргай, обращаясь к жрецу и будто нарочно не замечая знатного гонца. – О ценах на торгу в Нижнем городе?

– Я прибыл с важным поручением...

– Ах он прибыл! – Каргай наконец повернулся к юноше. – Скажи, о чем они думают в столице? Им там мнится, что я умею делать воинов из шишек? Подойду, тряхну елку, прочитаю заговор – и у меня двадцать лишних всадников! Может, они там уже научились так делать? Тогда иди потряси елку!

– Это приказ престололюбостителя, – закипая с каждым его словом, процедил царедворец.

– А я-то сразу и не понял! Спасибо, что растолковал! Ты сам посуди – у меня четыре сотни всадников. Ими я перекрываю отмаши, – Каргай повел рукой, – пять дней налево, пять дней направо. Я должен отслеживать десятки бьярских селений, держать заставы на дороге, засады на тропках... И еще здесь оставить отряд, чтобы, если что стрясется, поспешить на выручку. А теперь еще двадцать всадников отдать тебе... А зачем тебе двадцать всадников? Сколько накхов в этой шайке?

– Не менее трех, – мрачно ответил Анил.

– Не менее... Хорошее словцо! Вот что я тебе скажу: уж не знаю, имел ли ты прежде дело с накхами или нет, но они вырежут двадцать всадников и тебя убьют вместе с ними, и никто ничего не узнает – вы просто исчезнете бесследно в здешних дремучих лесах... Расскажи лучше, парень, чем ты так прогневил ясноликого Кирана? И почему он не мог прикончить тебя прямо в столице? Кстати, ты ведь должен был прибыть с охраной. Ну-ка, расскажи, где ты ее потерял?

– По пути сюда с нами случилось несчастье, – едва удерживаясь, чтобы не наговорить ответных грубостей, ответил Анил. – Моих воинов погубила богомерзкая бьярская нечисть, и сам я едва выскользнул из ее когтей. Однако то же горестное происшествие подарило мне человека... Своего рода тайное оружие.

– Человека? – протянул Каргай. – Ну-ка, расскажи, чем нынче вооружают смертников в столице?

– Он не из столицы. Это бродячий звездочет, провидец и заклинатель.

Анил ожидал новых насмешек, но на лице маханвира неожиданно мелькнуло любопытство.

– Ему дано от богов истинное видение, – воодушевился Анил. – Если бы я был поумнее и послушал его при нашей первой встрече, возможно, мои воины были бы живы, да и сам бы я избежал прикосновения зла...

– Слышал я уже эту побасенку, – кивнул военачальник. – Дескать, какое-то лесное чудище напало на твой отряд, со-

жрало четырех стражников и двух коней и едва не откусило тебе ногу.

– Так и есть. Могу показать следы от когтей.

– А то я ран прежде не видел, – отмахнулся Каргай.

– Но только это было не чудище. Это была бьярская темная богиня... – Анил нахмурился, вспоминая, – по имени Тарэн. Она подстерегла меня в озере, обратила своих бобрих прекрасными девами моим воинам на соблазн, и когда б не помощь того доброго и знающего странника...

– погоди, юный господин, – встрепенулся скромно стоявший рядом старый жрец. – Говоришь, Тарэн подстерегала тебя в озере?

– Так и было.

– Вот же диво! – покачал головой старичок. – Доблестный Каргай, позволено ли мне будет с глазу на глаз побеседовать с этим... премудрым звездочетом?

– Отчего ж нет? Анил, где твой спаситель?

– Ждет в моем шатре.

– «Моем», – передразнил Каргай. – В шатре, который я тебе выделил! Отведи-ка нашего славного жреца к твоему провидцу. Мало ли, какого колдуна или оборотня сдуру в лесу подобрал...

Молодой вельможа, стиснув зубы, склонил голову.

– А я пока буду думать, как выполнить приказ.

Анил приподнял кожаный полог шатра, пропуская сухонького седобородого жреца. Тот благодарно поклонился и вошел, оглядывая шатер изнутри. Хаста сидел в углу подле светильника, развернув на коленях свиток и что-то в нем тщательно зарисовывая.

– Да озарит Исварха твои дни! – поприветствовал его жрец.

– Да ниспошлет он всем нам свет и тепло! – ответил Хаста, поднявшись и вежливо склонив голову.

Жрец удовлетворенно кивнул и, указав на рисунок, спросил:

– Можно полюбопытствовать?

– Конечно.

Хаста протянул старичку свиток.

– Что это за точки и линии?

– Я лишь запечатлеваю плоды моих наблюдений.

Жрец покрутил рисунок, силясь понять его тайный смысл, недовольно нахмурился... Хаста не заставил себя спрашивать.

– Перед тобой – звезды здешнего неба.

– Ах вот что. – Жрец взгляделся внимательнее. – Да, я вижу Лосиху. Но ты, видно, не слишком силен в рисовании. Ты изобразил ее совсем неправильно...

– «Лосиха», – повторил Хаста, улыбнувшись уголками губ. – Я будто воочию вижу сидящих у костра охотников, которые тшчатся разглядеть в небе зверей, упущенных накануне... В наших землях эти звезды зовутся домом Семерых Мудрецов. Видишь ли, каждую звезду мы почитаем обиталищем того или иного бога либо богини. Семеро же взяты богами на небо за свою праведность...

– «Богами»? – поднял бровь старик. – Не ты ли только что призвал благословение Исвархи?

– Слава Солнцу, величайшему среди небесных домов, – невозмутимо ответил Хаста. – А начертание мое верно. Может показаться чудом, но в тех краях, откуда я родом, звезды стоят иначе. Здесь я как раз указываю точками место пребывания звезд в этой земле, а крестиками – то, как они расположены над моим царством.

– Где же твоя родина?

– Далеко на юге, за полуденными горами, вне пределов Аратты. В наших землях ходят удивительные рассказы о чудесах, происходящих тут и еще далее на севере. Я решил дойти до края земли, дабы убедиться в существовании этих чудес или в том, что это всего лишь выдумки.

– Что же у вас рассказывают? – с любопытством спросил жрец, возвращая свиток.

– Здесь, в Бьярме, на краю мира, – «звездочет» величаво повел рукой, – весь небесный круг жизни, проходимый Исвархой за год, состоит из одного дня и одной ночи.

– Как это?

– Полгода здесь царит ясный день, а полгода – непроглядная ночь, – пояснил Хаста. – Еще говорят, морозы этой долгой ночью порой такие лютые, что дыхание замерзает, а железо крошится, как песок... Лишь чудесные девы в прозрачных зеленоватых покрывалах танцуют в небе диковинный танец, призывая Исварху согреть их...

Старый жрец хмыкнул, однако ничего не сказал, внимательно слушая иноземца.

– Говорят, в тех краях проходит земная ось, соединяющая небеса с твердью. Что там водятся медведи белой шерсти... И много других чудес.

Старик покачал головой:

– Однако у вас немало знают о Бьярме.

– Увы, не так много, как мне хотелось бы, – со вздохом отозвался Хаста.

Жрец покосился на Анила, с широко распахнутыми глазами слушавшего рассказ звездочета о чудесах полночных пределов.

– Сходи поговори с людьми, юный господин. Тебе еще по здешним лесам рыскать, а они ох как опасны...

– Я опытный охотник! – возмутился тот.

– Накхи-то пострашнее секача будут, – продолжал жрец, еле заметно подмигнув ему.

Анил нахмурился и нехотя вышел из шатра.

– Так на чем мы остановились? – Старый жрец наморщил

люб, будто вспоминая, и вперил в Хасту острый взгляд. – Ах да! О познаниях. В твоём царстве мудрецов, где даже звезды на небе стоят иначе, хорошо знакомы с нравами Тарэн?

– Нет, об этой свирепой богине я узнал только здесь. Странствуя, я расспрашиваю местный люд о нравах и обычаях, слушаю в городах и весях сказки и песни...

– О! – Старый жрец расплылся в редкозубой улыбке. – Я тоже люблю слушать побасенки бьяров о всяких чудесах, диковинных обычаях и языческих суевериях! – Он вновь почесал затылок. – И вот теперь стою тут и думаю – кого же из нас обманули? Меня или тебя?

Хаста напрягся.

– Исварха уже двадцать с лишним раз обошел круг жизни с той поры, как я впервые услышал о Тарэн. Позволь, я немного расскажу тебе о Матери Зверей, которую бьяры именуют богиней. Они поклоняются ей как благой, хоть и яростной госпоже этого мира. Воины приносят ей кровавые жертвы, призывая поддержать их в битве. Есть и третье обличье богини – ночное, темное, неназываемое... Но, – старичок воздел палец, – нигде и никем не упоминалось, что Тарэн обитает в озере и поедает неосторожных купальщиков! – Негромкий, чуть скрипучий голос жреца вдруг окреп и зазвучал жестко. – Тебя кто-то обманул – или ты пытаешься обмануть меня?

– Ты, говоришь, двадцать с лишним лет здесь? – уклонился от ответа Хаста, разглядывая потрепанное жреческое оде-

яние собеседника.

– Так и есть!

– Стало быть, ты не явился в Яргару вместе с отрядом Каргая?

– Я служу тут Исвархе с молодых ногтей, – гордо ответил жрец.

Хаста широко улыбнулся:

– Что ж, это к лучшему.

Он поднялся и сделал шаг к собеседнику. Тот попятился:

– Если ты удумал что-то недоброе, лучше позабудь об этом! На мой крик сбегутся десятки воинов! Тебя разорвут, как жареную куропатку!

– Думаю, жареную куропатку мы совместно разорвем нынче за ужином.

Хаста сунул руку за пазуху.

– Полагаю, нет нужды объяснять, что это? – спросил он, доставая и поднося к лицу собеседника золотой перстень с солнечной печатью.

Тот, осознав, что перед ним находится, вытаращил глаза.

– Внимаю и повинуюсь, почтеннейший, – низко склонился старик. – Уж прости, не знаю, как величать тебя...

– Я жрец Хаста, доверенное лицо святейшего Тулума и его голос в землях Бьярмы.

Глаза старика стали еще больше, а лицо побледнело.

– Постой, ты – Хаста?! Тот самый мятежник, которого прибыл искать юноша из столицы?

– Тот самый.

– А чудовищная Тарэн, выныривающая из озера, и ее бобрихи... это, стало быть, твои накхи?

– Мое сердце скорбит о том, что пришлось на это пойти. Жрец молча покачал головой.

– Но как могло статься, чтобы святейший Тулум поддержал мятеж?

– Накхи – не мятежники. Они пытаются найти царевича Аюра и вернуть ему трон. А не убить его, как того желает Киран.

– Киран желает убить царевича? – нахмурился старик. – Я должен тебе верить?

– Верь, ибо это правда. И это не мои слова – я лишь голос святейшего Тулума.

– Я повинуюсь, – вновь склонил голову жрец. – Святейший Тулум безмерно мудр. Не нам сомневаться в его решениях. Я так понимаю, тебе понадобится моя помощь?

– Да, – кивнул Хаста. – Для начала подтверди Каргаю, что я не оборотень и познания дарованы мне Исвархой, а не зловредными дивами. Что касается Тарэн, подумай, какой озерный дух мог погубить стражников и едва не сожрать Анила? – Он усмехнулся. – Мало ли что могло перемешаться в голове у чужеземца...

– Хорошо. Я сделаю это. Что-то еще?

– Тут ведь есть другой жрец – тот, что пришел с отрядом Каргая?

Старик прищурил выцветшие глаза:

– Так и было, почтенный Хаста. Сюда пожаловал молодой, весьма самоуверенный жрец из столичного храма гончаров.

– Где он сейчас?

Старый жрец потупился:

– Гуляя по лесу, он нашел красивые грибы с белыми крапинками. Я рассказал ему, что с помощью отвара из них местные колдуны общаются с духами. Увы, он, похоже, поверил небылице.

Хаста поднял бровь.

– Я знаю, что бьярские колдуны варят из них зелье, но понятия не имею как, – продолжал старик. – Тот жрец тоже не ведал...

– И где он сейчас?

– Общается с духами! – развел руками жрец. – Ибо сам присоединился к ним.

Хаста хмыкнул:

– Вижу, не так уж я гонцу и солгал, – Бьярма в самом деле опасна для тех, кто не знает ее обычаев!

– Не окажись ты посланцем святейшего Тулума, ты бы вскоре в этом убедился, почтенный Хаста, – недрогнувшим голосом отозвался старичок. – Невежество здесь воистину убивает, причем быстро и болезненно. Но тебе я буду помогать всем, чем сумею. Только прошу – не причиняй вреда Каргаю и его людям...

– Если они не будут причинять вред мне и моим людям, –

ответил Хаста.

– Вот за это поручиться не могу, – вздохнул старик. – Но сделаю все, что в моих силах.

* * *

Утром Хасту разбудил тяжелый гул и конское ржание.

– Что происходит?!

Он вскинулся на своем ложе. Анил, сидя на соседней лежанке, натягивал сапоги. Вчера, к изрядному удивлению Хасты, юный царедворец предложил ему разделить временное жилище. «Оставайся со мной сколько хочешь! Я буду кормить тебя и дам кров. Это меньше, чем я могу отплатить тебе за спасение!» – пылко заявил он. Рыжий жрец, не без некоторых угрызений совести, тут же охотно согласился.

– Что стряслось? – спросил Хаста, лихорадочно пытаюсь сообразить, не напал ли кто на Яргару.

– Каргай поднимает отряд в поход.

– Только этого не хватало, – покачал головой рыжий жрец и, наскоро одевшись, бросился наружу.

Каргай восседал на мощном буланом скакуне и орал на своих воинов так, будто они страдали глухотой:

– А ну, быстрее! Поторапливайтесь!

Хаста увидел, как Анил, поспешно поприветствовав воеводу, с волнением обратился к нему:

– Я вынужден напомнить достойному Каргаю, что прика-

зано выделить два десятка воинов для поимки беглого жреца...

– Уйди с дороги, покуда не затоптали! – недовольно рыкнул могучий бьяр. – Вот управимся, вернемся, тогда и выделю.

Анил яростно сверкнул глазами:

– Но это приказ! Ты пренебрегаешь волей блюстителя престола?

– Послушай... – принуждая себя говорить мягче, произнес Каргай. – Мы целую луну готовили западню. Сегодня мы ее захлопнем...

Он наклонился с коня к Анилу, чуть не заставив того отскочить в сторону, и доверительно прошептал:

– Завтра тут неподалеку, около святилища Спящего Бобра, начинается праздник Пугала. Мои соглядатаи разузнали, что на этом празднике, возможно, появится царевич Аюр. Ну или одно из его ложных подобий.

– Что за «праздник Пугала»? – тоже приглушая голос, спросил Анил.

– Его еще зовут днем Последнего Колоса. Сотни бьяров со всех окрестных деревушек соберутся вместе на лесном лугу, чтобы восславить местных духов урожая, поблагодарить за то, что позволили собрать ячмень, не поморозив и не залив дождем. Половина явится в раскрашенных берестяных личинах. Мы сможем подобраться незаметно. А вот когда царевич, истинный или ложный, будет у нас в руках – тогда и

лови своего беглого жреца сколько пожелаешь. Обещаю дать тебе не два десятка, а целую полусотню! – Тут он заметил Хасту, стоящего за спиной Анила. – Ага, это твой чудо-звездознавец? Ну что, провидец, – скажи мне, будет ли успешен нынешний поход?

– Смотри что достойный Каргай считает успехом, – усмехнулся Хасти. – Если я тебя верно понял, речь о поимке царевича Аюра? Нет, поймать его не удастся.

– Это еще почему?!

– На реке под стеной скачут солнечные зайчики. Поймай одного из них! И я первый скажу, что твоя затея будет успешна.

Брови Каргая сошлись на переносице.

– Много на себя берешь, звездочет!

– Ты спросил – я ответил, – пожал плечами Хасти. – Невозможно поймать лису там, где она не водится.

Каргай покосился на ждущих его приказа бьярских воинов с луками. Не услышали бы слова чужеземца...

– Поедешь с нами! – подумав, рявкнул ловчий. – Если говоришь правду – будет тебе от меня почет и награда. А если твои слова пусты, как собачий вой, – я велю всыпать тебе столько палок, сколько звезд на небе! Умеешь держаться в седле?

– Не слишком ловко. Я не воин...

– Ничего. Сядешь за спину своему приятелю из столицы. Хасти поглядел на вспыхнувшего Анила. Того явно беси-

ла взятая воеводой привычка распоряжаться его судьбой, но он не мог сейчас спорить с Каргаем, разве что недовольно ворчать.

– Седлайте коней!

* * *

Целый день войско Каргая двигалось вглубь бьярских лесов. Впереди ехали разъезды, хватая и отправляя в обоз всякого, кто имел несчастье идти или ехать сегодня по здешним дорогам и тропам. Хаста, трясаясь в седле за спиной недовольного Анила, то и дело ловил на себе косые взгляды – весть о его предсказании уже распространилась в воинстве Каргая. Но тут где-то в чаще закуковала небывало поздняя кукушка, и все заулыбались – ведь эта примета была самая добрая.

Когда начало темнеть, Каргай велел остановиться на поляне у лесного ручья и призвал в свой шатер всех сотников, полусотников и десятников. Когда Анил вернулся к себе, Хаста уже ждал его.

– О чем можно столько разговаривать? – нетерпеливо воскликнул он. – Мне уже пора уходить!

– Куда? – с недоумением спросил юный воин.

– Как это «куда»? В лес!

– Зачем?

– Погляди, солнце уже зашло, на небо возвращаются звезд

ды! Семеро Мудрецов проснулись и смотрят вниз. Я должен приветствовать их с верхушки самого высокого дерева, какое найду.

– С дерева?!

– А затем предаться созерцанию прочих светил, – внушительно добавил Хаста. – Ибо они суть знаки, являемые богами миру смертных.

– Но разве снизу звезды не видно? – озадаченно спросил Анил.

Хаста поглядел на него с показным изумлением:

– Анил, ты ведь хороший охотник?

– Конечно, – расправил плечи молодой царедворец.

– Разглядишь ли ты оленя в пятистах шагах?

– На пустоши разгляжу, в лесу – нет.

– А сможешь ли попасть в него стрелой?

– Нет, и никто не попадет. Слишком далеко.

– Вот ты сам и ответил на свой вопрос. Чтобы видеть судьбы, нужно быть как можно ближе к небу. Иной раз не заметишь камешка – да и расшибешь об него лоб. Не углядишь самую маленькую звездочку, ошибешься в предсказании – и вся судьба наперекосяк!

– Надо же... Давай я пойду с тобой!

– Хочешь обучиться чтению небесных знаков?

– Шутишь? – засмеялся Анил. – Этому же годами учатся.

Но в лесу – хищные звери. К тому же без меня тебя не выпустят дозорные.

Хаста посмотрел на него чуть добрее и с нарочитым вздохом сказал:

– Что ж, в твоих словах есть доля истины. А по дороге, если пожелаешь, расскажи, о чем вам поведал Каргай. Ибо может статься, что его наилучшие замыслы ведут нас в западню.

В лес они зашли не слишком далеко. Когда огни костров пропали за деревьями, Хаста поднял руку и с важным видом заявил:

– Здесь оставь меня. Я чувствую близость лесных духов. Они могут покарать всякого чужака, посмевшего без спросу зайти в их владения.

– А как же ты?

– Я постараюсь с ними договориться.

Он сделал с дюжину шагов вперед и прислушался – да, мальчишка остался позади. После истории у лесного озера Анил не горел желанием излишне любопытствовать, особенно когда речь заходила о бьярских духах. Теперь главное – не пропустить место встречи.

Хаста шагал, пристально вглядываясь в каждое дерево, чтобы в сумерках не пройти мимо знака. Вроде ничего примечательного... Хотя сосновая ветка с тремя шишками, положенная на вывороченный пень недалеко от опушки, указывала именно в эту сторону. Значит, надо смотреть еще внимательней.

Вот! Из дупла росшего на краю узкой прогалины дуба торчала молодая сосенка. Хаства подпрыгнул, ухватился за нижний дубовый сук, подтянулся и полез вверх.

Из листвы послышалось тихое шипение. Хаству очень раздражала эта привычка накхини давать о себе знать. Особенно учитывая, что отличить их шипение от настоящего змеиного было невозможно.

– Привет, – тихо проговорил он, надеясь, что беседует не с какой-нибудь местной гадюкой.

– Ты знаешь, что желтоволосый тащится за тобой? – слышалось из листвы.

– Я оставил его шагов за сто отсюда!

– Значит, он решил выследить...

– Не надо его убивать!

В голосе накхини прозвучала насмешка.

– Как скажешь.

Хаства раздвинул дубовые ветви и оказался на довольно широкой сижке, устроенной в развилке ствола. Марга удобно устроилась там, вытянув ноги и прислонившись спиной к толстой ветке. Ее глаза ярко блестели в сумраке.

– Какие вести? – спросил Хаства, устраиваясь напротив.

– На лугу у Спящего Бобра собирается уйма бьяров. Многие в личинах, нам было легко пройти. Ты не поверишь, кого они там славят... А это что?

– Пирог, – ответил жрец, протягивая ей сверток. – Утащил с вечерней трапезы...

– У нас есть еда.

– Не очень-то похоже. – Хаста посмотрел на ее осунувшееся лицо. – Сама не хочешь, девчонкам отдай.

– Ишь какой заботливый...

Марга не глядя положила узелок с едой рядом с собой на помост.

– Давай к делу, – бросила она. – Царевича на лугу мы не видели. И никого хоть немного похожего на ария. А вот жрец Исвархи в грязно-рыжем рубище, как ты и сказал, там бродит. И ведь что забавно: люд готовится местных духов славить – а ему хоть бы хны. Того и гляди сам расписную личину нацепит.

– Очень может быть, – задумчиво пробормотал Хаста. – На всякий случай вам хорошо бы оказаться в толпе. Если вдруг Аюр появится – во что я, впрочем, не верю, – его надо будет умыкнуть из-под носа у воинов. Если нет, что куда вероятнее, – хватайте жреца. А я покуда соображу, как отвести глаза Каргаю...

– А с чего ему тебя слушать?

Жрец усмехнулся:

– А вот с чего. Каргай – отменный следопыт и опытный воин. Вдобавок он знает местные леса, потому его сюда и послали. Однако и у него есть один недочет. Он полукровка, его отец, как ни удивительно, был арием, а мать – из здешней знати. Я узнал, что Каргай воспитывался у материнской родни, пока отец не забрал его на столичную службу. Видимо,

именно поэтому наш воевода с головы до пят набит бьярскими приметами и суевериями. Не так давно он уже собрался поймать Аюра в такую же западню в другом месте. Уже двинулся в путь, однако в последний миг остановил войско и вернулся в Яргару.

– Что ему помешало? – с любопытством спросила Марга.

– Заяц перебежал дорогу как раз тогда, когда Каргай с войском выезжал за городские ворота.

– И?..

Сестра Ширама посмотрела на него, ожидая продолжения.

– И все. Развернулся и сказал, что пути не будет. И вместо похода погнал все войско на ближайшее озеро – смывать порчу...

– О чем только думает этот бьяр! Он же военачальник! – возмутилась Марга. – Другое дело, если бы ему дорогу переползла змея. Но заяц! Это просто нелепо.

– Именно так было написано в доносе, который я прочитал среди прочих свитков – тех, что мы унесли у Кирана. Там еще говорилось, что Каргай всякое утро в небе жаворонка высматривает. Увидит, потом весь день радуется, а нет – ходит темнее тучи и на всех рычит. Ну а уж если ночью поблизости сова кричала, вовсе из дому не выходит... Ладно, пора возвращаться. Как бы Анил нас тут не услышал...

– Не услышит. Он за прогалиной лежит, – спокойно ответила Марга и, поглядев на застывшее лицо собеседника,

снисходительно уточнила: – Живой. Девочки его слегка утихомирили, чтобы не шастал где не надо.

– Что ж вам все нейдет, – проворчал Хаста, сползая с сизи. – А я его, значит, на спине обратно понесу?

– Ага. И сосну из дупла вытащить не забудь.

* * *

Анил лежал, свернувшись клубком и уткнувшись лбом в выпирающий из земли корень, словно, притомившись ждать, устроился на ночевку. Когда Хаста подошел, в кустах мелькнул рыжий лисий хвост.

– Эй! – Звездочет потряс лежащего за плечо. – Ты чего здесь устроился? Просыпайся!

Анил раскрыл глаза и с недоумением уставился на жреца.

– Что я тут делаю? – прошептал он.

– Это ты мне скажи.

Юный воин уселся, огляделся вокруг и задумчиво проговорил:

– Я пошел следом... Услышал шорох... Что-то коснулось моего затылка... А потом... потом ты начал меня трясти!

– Скажи мне, грозный воин, разве я не просил тебя оставаться там? – Хаста махнул рукой вдаль. – Разве я не говорил тебе, что в лесу полно нечисти? Это же бьярские чащобы! Я сейчас тут видел лису – хорошо, если это был обычный зверь. Тогда она просто отгрызла бы тебе ухо или откусила

нос. А если это был оборотень? Задержись я чуток, и остались бы от тебя лишь сапоги да меч...

– Ты опять спас меня, – вздохнул Анил, поднимаясь на ноги. – Я перед тобой в долгу!

– Тем более береги свою голову – иначе как со мной рассчитаешься? Пойдем!

– А звезды? Что тебе сказали звезды?

– То, о чем я вам и раньше твердил. Царевича на празднике не будет.

Глава 6

Праздник Пугала

Притаившийся на вершине холма наблюдатель повернулся к Каргаю, поднял развернутую ладонь и быстро сжал ее в кулак.

– Едут, – довольно кивнул тот сам себе. – С уловом...

Вскоре на пригорке появились трое всадников, ведущие дюжину связанных бьяров. Рты бедняг были заткнуты деревянными кляпами.

– Это последние, – сообщил старший из всадников.

– Уверен?

– Мы обшарили все окрестности вокруг каменюки. На всякий случай я оставил людей следить за тропами.

– Если ты пропустил хоть одного, я распорю тебе живот и засуну туда крысу! Ну а если сказал все как есть – с меня полдюжины золотых.

– Можешь отсчитать, – осклабился лазутчик.

– Поглядим, – буркнул Каргай. – Ну-ка... – Он обвел взглядом пленников. – Кто из вас готов отвечать на мои вопросы?

Бьяры с ненавистью глядели на главаря ловчих, и то, что он был с ними на одно лицо, казалось, только усиливало их враждебность. Потом один из них, с проседью в бороде, замычал, показывая, что готов говорить.

– Дайте ему молвить слово, – приказал Каргай.

Избавившись от кляпа, бьяр сплюнул наземь сгусток крови, облизнул разбитые губы и резко бросил на местном наречии:

– Мы тебя знаем! Ты Каргай, сын Шиндэ – внучатой племянницы моей прабабки. Наш общий предок, могучий Яргай...

– Я его знаю не хуже, чем ты, – перебил его воевода. – Но речь не о предках. Ответь на мои вопросы, и тебя отпустят. Возможно, даже не станут бить.

Немолодой бьяр тряхнул головой и расправил плечи.

– В чем мы провинились, родич? – с вызовом спросил он. – Мы не душегубы, не грабители! Мы пришли чествовать наших богов, а ты напал на нас, как разбойник!

– Вы – мятежники! Мы доподлинно знаем, что вы ждете здесь самозванца и приготовили ему теплую встречу. А значит, я могу казнить тебя в любой миг, если пожелаю.

– Зарни Зьен...

– Молчи! – рявкнул Каргай, стискивая рукоять плетки. – Тот, кого вы тут собираетесь чествовать, – никакой не Зарни Зьен и не царевич Аюр. Он, как и все прочие ряженные, – бунтовщик, который возмущает народ против законного правителя. У меня приказ схватить его вместе с сообщниками и притащить в столицу в цепях, и я это сделаю! Ну, отвечай – сколько людей на лугу возле святилища? Сколько еще застав на тропах? Сколько людей в заставах?

– Каргай, ты же сам бьяр, хоть и по матери! – вместо ответа воскликнул его пленник. – Как ты можешь, как смеешь нападать на святилище Спящего Бобра?! Да еще привел с собой чужаков с оружием! Или ты не знаешь, что с вами делает Мать Тарэн? Ты навлекаешь на себя и свой род проклятие. Светлый Сол с отвращением отвернется от тебя! Хул радостно распахнет зубастую пасть, примет вас всех в свои когтистые объятия и утащит в кровавое Озеро Пауков...

– Я верую в Исварху, – поморщился Каргай. – Чем ты грозишь мне, глупец? Да, я вырос среди вас, и что? Боги наших предков слабы! Они поселили бьяров в хижины из бересты и мха. Они заставляют тебя есть кашу из осиновой заболони, точно нечистого зайца. А теперь погляди на величие Исвархи! Наш бог дарует верным силу и власть. Чем же ты пытаешься меня напугать? Прекрати болтовню и отвечай – сколько застав вокруг святилища?

Бьяр исподлобья глядел на воеводу. Тот лишь вздохнул и кивнул лазутчику.

Первый удар заставил упрямца согнуться и застонать. Второй отбросил наземь.

– Когда он все расскажет, оповести меня, – велел Каргай. – Да не задерживайся. Пока лесные недоумки будут стучать и завывать, подберемся поближе – они в эту пору как токующие глухари. А как только вылезет самозванец – начинаем!

Он повернул коня и направился в лес, где у берега реки его ждала сотня всадников.

– Надо же, сколько народу! – прошептал Анил, глядя на луг сквозь листву из-за отогнутой ветки лещины. – А в столице Бьярму считают почти необитаемой...

Перед тем как окружить святилище, Каргай отдал под руку юноши пару десятков бойцов и велел затаиться в кустах на пригорке совсем рядом со священным камнем на краю луга. Юному арию было дано важное поручение – его, много раз видевшего Аюра при дворе, поставили с отрядом ближе всех, чтоб он опознал царевича и подал знак остальным воинам, скрывавшимся в лесу.

Луг раскинулся по обе стороны тихой и темной лесной речки. По правую руку, где он был шире, его ограждала обрывистая, заросшая лесом гора. И захочешь, не найдешь лучшего места для засады.

Под самой горой громоздился огромный, в два человеческих роста, замшелый валун, очертаниями похожий на лежащего зверя. Из-под валуна сочился прозрачный родник, тонкими струйками стекая по скале и пропадая в траве. В его сторону нескончаемым потоком тянулся народ. Празднично одетые бьяры в меховых безрукавках, расшитых пестрыми бусами и речным жемчугом, несли узелки, коробка с жертвенной едой, туеса с пивом. Молодые парни с хохотом и прибаутками тащили круглые пироги – здоровенные, одно-

му не унести. На многих были личины из древесной коры, раскрашенные так, что при виде них даже медведь спрятался бы в берлогу. Повсюду слышались приветственные возгласы – порой соседи не видали друг друга с прошлой осени.

– Да тут, наверно, десятки деревень собрались...

«Вот только обычно бьяры приходят на моление целыми семьями, а здесь почти нет ни женщин, ни детей. Да и стариков, кроме „говорящих с духами“, что-то не видать...» – отметил про себя Хаста.

– Так и есть, – отозвался он вслух. – На праздник Пугала люди со всех краев по нескольку дней идут. Вот на таких сборищах люди наместника их и ловили...

– Что за Пугало-то, расскажи?

– А вон оно, видишь – высокое чучело из соломы торчит, там, где складывают костры? Как стемнеет, его одарят, напоят, накормят, споют ему песен, а потом сожгут, чтобы дымом отправился на небеса и отнес дары предкам. Урожай собран, солнце на зиму поворачивает...

– Погляди, погляди! А что они сейчас делают?

Над толпой грянула торжественная песнь. Анил даже привстал, глядя, как седобородые бьяры в длинных белых рубахах, выйдя из толпы вперед всех, выливают из туесов хмельное питье прямо наземь.

– Приносят дары Спящему Бобру, – объяснил Хаста.

– Какие же это дары? Они просто делают лужу. – Анил приняхался. – Переводят хорошее свежее пиво...

«Звездочет» ухмыльнулся. Быстро же этот придворный приучился к здешнему простонародному пойлу.

– Я разузнал – это не просто камень, – продолжал Хаста. – Это ездовой бобер Тарэн, ждущий своего часа.

– Опять Тарэн! – скривился Анил.

– И опять бобры, – кивнул Хаста. – Говорят, что раз в две тысячи лет ярость Матери Зверей сокрушает все границы и поджигает землю и небо. И этот огонь не унять ничем. Реки обращаются в пар, озера выкипают до самого дна. Лишь одно может погасить неугасимое пламя и спасти вселенную.

– Что?

– Струя этого бобра.

– Ты шутишь?

– Видишь родник? Местные считают, что его вода имеет великую силу и позволяет уберечься от гнева Тарэн.

Анил, поморщившись, поглядел на воду, струящуюся по каменному руслу.

– Дикари, – пробормотал он себе под нос.

– А чтобы бобер не умер, прежде чем ему в очередной раз придется спасти мир, благой бог Сол – как тут называют Исварху – до урочного часа обратил его в камень. Но потом, как всегда, вмешался Хул. Из злого озорства он сотворил еще десяток подобных камней и раскидал их по всем окрестным лесам. Теперь никто точно не знает, какой из Спящих Бобров настоящий. Каждое племя утверждает, что их бобер – самый что ни на есть истинный. Вот и сейчас сперва угостят

Спящего Бобра, а уж потом...

– Погоди, – оборвал его Анил, приподнимаясь на колени. – Вон там, видишь?! От бобрового хвоста лезут!

Хаста и сам заметил – там, где из-под камня пробивался родник, на бобровую спину карабкалось несколько человек. Один из них – это было хорошо заметно – носил бурые жреческие одежды. Длинные волосы другого блестели знакомым темным золотом. Такие встречались лишь у самых высокородных арьев.

– Это же Аюр! – подавив порыв заорать в голос, прошептал Анил. – Я узнаю его!

– Его здесь нет, – отрезал Хаста.

– Да как же нет – вон он! Тащите «Путеводную Звезду»!

Один из воинов сноровисто развернул и поставил замысловатую треногу с выдолбленным деревянным желобом. Хаста поглядел, как еще двое несут голову «Звезды» и заполненный серой горючей мякотью чурбак, как соединяют их и обмазывают место соединения.

«Не так, – с тревогой подумал жрец. – Чуть высохнет – растрескается, пламя брызнет во все стороны. Не взлетит или взорвется в руках...»

– Быть может, мудрейший Анил позволит мне подготовить «Звезду» к полету? – не выдержал он.

– «Путеводная Звезда» – не твоего ума дело, – отмахнулся молодой вельможа. – Только жрец высокого посвящения может совладать с волшебными силами, что в ней сокрыты!

«Не моего ума, – горестно подумал Хаста. – Знал бы ты, кто ее изготовил!»

– Не волнуйся, в столичном храме меня научили с ней обращаться, – снисходительно добавил Анил. – Плотнее мажьте, дурачье, иначе вам глаза выжжет!

«Хвала тебе, Исварха!» – перевел дух самозванный прорицатель.

Тем временем золотоволосый и несколько крепких парней с копьями и топорами взобрались на покрытую белыми лишайниками спину каменного бобра. «Царевич» влез на голову любимого зверя Тарэн и, подняв руки, что-то закричал. Ветер доносил лишь обрывки его слов. Но было ясно – он требует внимания.

Разодетая толпа в берестяных масках замерла в почти-тельном молчании...

– Ну, Солнце с нами!

Анил чиркнул кресалом. Ворох искр просыпался на промасленный жгут, тот вспыхнул, и уложенная в желоб «Путеводная Звезда» с грохотом взмыла над лугом. Еще мгновение – и она рассыпалась тысячами ослепительных алых искр над головой застывших в изумлении бьяров.

В следующий миг из лесу послышался громкий протяжный вой трубы.

– Вперед! – вскакивая и выхватывая меч, закричал Анил. – Окружаем бобра! Никого не упускать! Парни, хватайте всех, потом разберем, кто там кто. Царевича никому,

кроме меня, не трогать!

– Сказано, это не он, – с досадой вновь повторил жрец.

– Пошли со мной! – Юный арий дернул его за руку. – Я видел Аюра в столице много раз – это он! Сам убедишься!

– Когда убедишься, что звезды не лгут, – вспомни мои слова. И тогда я расскажу, где его искать...

Последних слов Анил уже не слышал – вместе с прочими воинами он, ломая кусты, с улюлюканьем ринулся вниз по склону.

– Ну чисто дети малые! – насмешливо покачал головой Хаста.

Между тем со всех сторон, грохоча и полыхая, взмывали такие же рукотворные звезды. Народ на лугу заметался, воздух наполнился воплями ужаса. Из лесу вылетел отряд в полсотни всадников во главе с Каргаем и понесся через луг прямо к камню – бьяры только успевали разбежаться. Они не были трусами и не зря славились как лучшие в Аратте охотники; у каждого из них на поясе висел длинный нож. Но в этот миг никто из них и не думал о сопротивлении. Они были совершенно ошеломлены грохотом и воем. Те немногие, кто все же хватался за топоры и ножи, выточенные из лосиных рогов, тут же получали по рукам и спине древками копий.

Отряд Каргая, распавшись на десятки, мигом раскроил толпу на части. Одни бьяры были сбиты конями, другие, крича от ужаса, падали ничком, чтобы защититься от огня падающих звезд. Третьи пытались бежать в лес, но тут же

оказывались в сетях, со связанными руками и деревянным кляпом во рту.

Около дюжины человек, сорвав личины и выхватив из-под безрукавок длинные кинжалы, бросились к священному камню. Охранники «царевича» устремились им навстречу.

Хаста моргнул – вот только что он своими глазами видел смуглого юношу с золотистыми волосами, и вдруг тот будто растаял в воздухе! Только старый жрец в крашенной луковой шелухой одежде опрометью метнулся в сторону бобрового хвоста. А юноша – его будто ветром унесло, или он просочился в самое нутро камня! Стражи «царевича», не замечая, что творилось у них за спиной, продолжали отчаянно сражаться за своего бесследно пропавшего господина, покуда все до последнего не были перебиты воинами Каргая.

Наконец суматоха на лугу начинала понемногу затихать. Хаста уже собрался было спускаться с пригорка, как поблизости среди листвы послышалось тихое шипение.

– Марга, ты?

Кусты раздвинулись, и сестра Ширама молча поманила жреца.

– Там не было Аюра, – сказала она, когда Хаста оказался рядом.

– Ты сама это увидела?

– Да, мы с девочками стояли близко, под камнем. Но тот парень был похож. Только двигался иначе – лучники так не ходят. У них плечи разведены, а этот, верно, отродясь боево-

го лука не натягивал... Но это ерунда. А вот когда заревела труба, самозванец пропал, и на его месте появился какой-то белоголовый бьяр!

Хаста кивнул – нечто подобное он и ожидал услышать.

– Хорошо было бы расспросить того бьяра, – продолжала Марга, – но его убили вместе с другими. И знаешь, что скажу? Похоже, Каргай и не собирался брать Аюра живым.

– Значит, вот какой у него приказ, – пробормотал Хаста. – Киран желает закончить в Бьярме то, что начал в столице... Как я и предполагал. А что луковый жрец, где он? Я говорил, что он нам понадобится.

– Жрец у нас. – Сестра Ширама махнула в сторону леса. – Отвел глаза воинам и хотел удрать, но мои девочки изловили его. Завязали ему глаза, заткнули рот, привязали к дереву и ждут нас в лесу – вон там, ниже по ручью.

– Прекрасно, просто прекрасно! Что ж, пойдем побеседуем с ним...

– Эй, звездочет, ты тут? – послышался снизу оклик Ани-ла. – Каргай желает видеть тебя! Проклятый жрец навел на нас всех морок!

– Я скоро вернусь, – пообещал женщине Хаста и начал спускаться к священному камню.

* * *

Каргай сидел на принесенной бьярами скамье неподалеку

от поваленного пугала и мрачно пил свежесваренное пиво из берестяного тuesка. Лицо его было усталым и, как показалось Хасте, отрешенным.

– А, чародей, явился...

Глава ловчих поставил опустевшую посудину на скамью и устался на «звездочета».

– Да, ты не солгал, – буркнул он. – Царевича тут не было. Давай рассказывай, как об этом узнал.

– Ты знаешь, когда дует ветер, – возвел глаза к небу Хаста. – Он может дуть в одну сторону, а затем, хоть ничего и не произошло, задуть в другую. Но сможешь ли ты рассказать, *как* он дует?

– Опять ты за свое!

– Знамения светил...

– Ладно, не хочешь – не рассказывай. Говори, что тебе известно! Где искать корень этого злочинства?

– Вот сейчас ты задал верный вопрос, доблестный маханвир! Нет смысла ловить солнечные зайчики. Надо искать руку, которая держит серебряное зеркало.

– И тебе ведомо, чья это рука? – напрягся Каргай.

– Догадаться нетрудно. Рядом с самозванцем стоял жрец Северного храма. Все мы знаем, на какие чудеса они способны. Он навел морок, заставив людей поверить, что они видят царевича. Даже Анил признал в самозванце Аюра, а ведь он не раз видел его в столице. Но это значит, что и жрец видел настоящего царевича так же ясно, как ты меня. Стало быть,

жреца и надо спрашивать!

Каргай скривился, будто раскусил незрелую клюкву:

– Когда бы Белазору не смыло большой волной, я бы тоже думал, что искать нужно там.

– Разве Северный храм разрушен?

– Не знаю. Можно было бы спросить у жреца, но он с помощью колдовства исчез у нас из-под носа!

– Если пожелаешь, – скромно сказал Хаста, – я постараюсь отыскать его.

Тусклые глаза Каргая мгновенно ожили и приобрели жесткий блеск.

– Пожелаю! Сколько людей дать тебе в подмогу?

– Сейчас не нужно. Но пусть Анил и его люди будут у меня под рукой.

– Хорошо, – кивнул Каргай. – Так и будет.

Анил догнал Хасту на самой опушке леса.

– Ты что удумал? – возмущенно напустился он на «звездочета». – Ты же знаешь, что у меня свой приказ! Меня сюда послали ловить мятежного жреца Хасту и его накхини! Зачем ты затребовал у Каргая мой отряд?! Я только-только получил людей, чтобы наконец заняться поисками, а теперь мне придется бегать по твоей указке!..

– Послушай, – миролюбиво сказал рыжий жрец, – ты говоришь, что должен поймать мятежника Хасту. Но кто знает, может, тот жрец, которого вы сегодня упустили, он и есть?

Анил озадаченно умолк.

– Вот-вот, поразмысли над этим хорошенько! Кстати, объясни, как он умудрился пройти мимо вас незамеченным?

– Откуда я знаю? – огрызнулся молодой вельможа. – Это все проклятое бьярское колдовство!

– Вот видишь? Без меня ты не сможешь поймать Хасту, даже если окажешься с ним нос к носу. Следуй за мной и поверь – в нужное время я укажу тебе, где скрывается этот дерзкий мятежник.

– Правда? – вновь обретая надежду, спросил Анил.

Хаста торжественно поднял обе руки к небу:

– Клянусь Семью Мудрецами!

– Если так, то хорошо, – милостиво склонил голову юный воин. – Я буду помогать тебе.

– А сейчас мне надо удалиться в лес. Побеседовать со звездами. И вновь прошу – не ходи следом.

– Но сейчас же день, звезд не видно...

– Есть такие места, где звезды можно увидеть среди бела дня. И тебе лучше туда не попадать... Выполни мою просьбу, а то я в другой раз могу и не успеть защитить тебя.

* * *

Хаста не поверил глазам. Марга имела вид смущенный и виноватый, что совершенно не вязалось с ее обычным резким и высокомерным поведением. Сейчас она больше на-

поминала ребенка, застигнутого во время поедания заготовленных на празднество сладостей.

– Что-то случилось? – настороженно спросил он.

Сестра Ширама кивнула.

– Что-то с луковым жрецом?

Марга тяжело вздохнула и снова качнула головой.

– Вы его убили?!

– Не совсем...

И она пустилась в объяснения, чем снова привела Хасту в состояние оторопи.

– Сначала он умер...

– Умер? Постой, как это «сначала»? О чем ты говоришь?!

– Когда ты ушел, мои девочки заскучили и, чтобы не тратить время впустую, решили разговорить его. А он взял и умер. Они еще ничего и сделать не успели! Говорят, вдруг обвис у них в руках, и все – не дышит, сердце не бьется...

– Та-ак... – протянул Хаста с досадой. – Значит, совсем ничего не сделали, а он умер?

– Девочки поклялись тайным именем Отца-Змея, что так и было, – подтвердила Марга. – А потом он встал и ушел.

– Как это – ушел?!

– Я ждала тебя тут. Девчонки бросились ко мне. Молодые еще, неопытные – одной нужно было на месте остаться. Словом, мы вернулись на поляну – а жреца нет. Только следы и остались.

– Следы? – изумленно спросил Хаста.

– Да, его следы. Он ушел спиной вперед. По следу-то видно, что пятка в мох входит глубже, чем обычно. Мертвецы часто так ходят. Вот только это тряпье и осталось...

Она тихо свистнула сквозь зубы, и Яндха с Вирьей – бледные, без кровинки в лице, – вышли из-за кустов. В руках одной из них было рыжее жреческое одеяние.

– Он что, сам его сбросил?

Накхини замотали головой.

– Я же сказала, они этого колдуна разговорить хотели. Отвязали от дерева, раздели...

Хаста сдвинул брови:

– Эх, как скверно...

В этот миг юные накхини одновременно шагнули вперед, преклонили колени и обнажили клинки.

– Они не выполнили приказ, – с грустью в голосе пояснила Марга. – Убей их.

– Что?!

Хаста невольно отпрянул, едва не упав навзничь.

– Можешь сделать это сам или поручи мне. Или вели им самим покончить с собой – они это немедля исполнят.

– Святое Солнце! Вы, накхи, воистину безумны! Как насчет того, чтобы все остались живы?

– Они заслужили казнь и знают это.

Хаста глотнул воздуха, пытаясь вернуть самообладание. Вот уж пришла беда, откуда не ждали!

– Марга, послушай! Ты сказала, их жизни принадлежат

мне?

– Да.

– Тогда я и буду решать их судьбу как пожелаю.

– Но они должны умереть, – требовательно напомнила накхини.

– В свое время, Марга, в свое время.

Марга, нахмурившись, долго молчала.

– Что ж, твоя воля, – сказала она наконец.

Девицы поднялись на ноги и вложили мечи в ножны. Ха-ста ожидал увидеть радость на их лицах, но скорее наоборот – они будто выглядели раздосадованными, что их готовность пропала впустую. Самому смелому человеку не так-то просто заставить себя смотреть в лицо смерти.

– Но если ты покуда сохраняешь им жизнь, – все еще хмурясь, вновь заговорила Марга, – мы должны решить, как защититься от ухра.

– От кого?

– Ходячего мертвеца. Он питается жизненными силами людей и зверей. И в первую очередь тех, из-за кого умер. Девочки уже проткнули острым железом все следы мертвеца, но этого мало...

– Погоди-ка! Куда вели следы?

– К ручью.

– Ходячие мертвецы терпеть не могут ручьев и рек! Марга, этот человек не умирал. Он своей волей остановил сердце, а потом вновь повелел ему биться. Жрецы Северного храма,

ма любят этикие проделки, я много о них слыхал. Он вас обманул.

– А если все же нет? – недоверчиво спросила Марга, но в ее голосе послышалась надежда. – Тут можно раздобыть мак?

– Зачем?

– Засыплем следы. Какое-то время ухр не сможет нас найти, а мы пока...

– Забудьте о маке! – прервал ее Хаста. – Я говорю вам – никакого мертвеца не было! Ловкий жрец обманул вас и сбежал по ручью. Но все время он не будет идти по воде – это неудобно, да и холодно. Где-то все же выйдет. Найдите следы – и убедитесь, что я прав. Ну а если нет – будем думать, как защититься от вашего ухра... Встречаемся на дереве, как обычно.

Хаста взял из рук накхини линялые обноски беглого жреца:

– А вот это мне, пожалуй, пригодится...

Марга неожиданно выдавила из себя улыбку. Потом вдруг на миг склонила перед Хастой голову:

– Я не понимаю, для чего брат велел мне присмотреться к тебе. Не знаю, что я должна была в тебе найти. Но теперь понимаю, что нашел он.

Она подала знак, и юные накхини опрометью бросились к ручью.

– Буду ждать вестей, – бросила Марга и скрылась из виду.

Хаста проводил ее растерянным взглядом:

– Да уж... Что он нашел, что я потерял...

Хасте вдруг живо представилась ждущая его в ледяных степях улыбочивая мохначка, добродушный белый мамонт, уютная хижина из звериных костей и шкур... Тихий приют – почти как родной дом, который он почти забыл. А может, и вовсе выдумал.

Ладно. До этой хижины еще нужно дойти. А пока нужно отыскать царевича.

В глубокой задумчивости он спустился к каменному бобру, рядом с которым ждал его Анил.

– Вот... – Хаста потряс добычей. – Все, что осталось от лукового жреца.

– Его что, звери сожрали? – удивился Анил.

– Почему – звери? Никто его не сжирал. Он сбросил это и сбежал по ручью. Теперь никто не отличит его от простого бьяра, ушедшего в лес за хворостом.

– Нужно поскорее отправляться в погоню!

– Вот еще. Теперь пусть те, кто прислал сюда самозванца и того ловкача, побегают за нами.

Анил сдвинул брови:

– О чем ты?

– Теперь ты будешь царевич Аюр, а я – жрец Северного храма.

Глава 7

Тайная крепость

Охота наместника умчалась за оленем-трехлеткой. Сам же Аршалай придержал коня и, дождавшись, когда стихнет топот копыт и хруст веток, свернул в сторону. Люди из свиты правителя Бьярмы знали, что у того есть обыкновение внезапно уединяться во время общего веселья. Но проверять, куда в это время тот направляет бег коня, не пытались. Рассказывали, что в прежние времена кто-то из дворцовой стражи осмелился последовать за господином – да только его и видели.

Аршалай пустил коня шагом, внимательно вглядываясь по сторонам и вслушиваясь в шорохи осеннего леса. Над острыми вершинами елей низко проплывали косматые серые тучи, в воздухе пахло сыростью и прелью. Наместник морщился, когда еловые лапы то и дело царапали его руки и лицо. Что за неприветливые места! То ли дело зеленые дубравы в окрестностях столицы или душистые цветущие степи его почти позабытой родины...

Конечно, за десятилетия службы Аршалай уже свыкся с обросшими мхом елями и березами в четыре обхвата толщиной, с полуночным солнцем в короткую теплую пору и бесконечно долгим зимним мраком. Когда в высоком голубом небе сияло солнце и листья наливались живым золо-

том, чащобы Бьярмы даже радовали глаз. Но стоило светилу скрыться в тучах...

Завидев по левую руку торчащий из земли валун, Аршалай остановился и начал напряженно оглядываться, особое внимание уделяя ветвям ближайших деревьев. Листва с них уже почти осыпалась, открывая взору то, что было спрятано летом.

– Скелет, – пробормотал себе под нос наместник. – Человеческий... В прошлый раз его, кажется, не было. Или я просто не заметил? Кому это так не повезло...

Скелет был привязан к стволу дерева среди ветвей росшей неподалеку старой березы. Судя по тому, что кости были дочиста объедены куницами, – уже довольно давно.

– Что за дикарские нравы! – вздохнул Аршалай. – Надо будет сказать Данхару, чтобы приструнил своих людей. Пусть уж зарывают... Или в болото сбрасывают...

– Почтеннейший наместник желает видеть маханвира? – раздалось прямо над ухом всадника.

Тот подскочил от неожиданности и гневно насупился.

«Как они это делают?! И ведь сколько раз говорено – не появляться за спиной! Нет же, как не слышат! Озорники!»

– Да, я хочу видеть Данхара, – сварливо отозвался он.

– Я проведу.

Накх в полном боевом облачении сложил ладони у рта и трижды каркнул вороном. Два раза, и затем, повременив, еще раз. Из лесу послышался перестук копыт. Вскоре ря-

дом с провожатым возник гнедой конек излюбленной горцами легконогой породы. Едва коснувшись руками лошадиной холки, нахх запрыгнул на спину скакуна и ударил бока пятками.

Ехать пришлось долго. Аршалай понимал, что его попросту дурачат и водят кругами, но ничего не мог поделать. Всякий раз, когда он пенял Данхару, тот кивал, соглашаясь, а в следующий раз все повторялось вновь.

Наконец вддали показался лесистый холм. На вершине среди деревьев виднелся остроконечный частокол. Неприметная тропа вела наверх, к воротам крепости.

Свое уединенное убежище Страж Севера выстроил любовно и тщательно. За частоколом поднималась башня вроде тех, какие возводили на кручах в Накхаране, – сужающаяся кверху, снизу каменная, сверху надстроенная из дерева. Видно, Данхар собирался выстроить себе дом, как на родине, но камней не хватило. Больше ничего снаружи видно не было, но Аршалай пару раз бывал внутри и знал, что там находится. Небольшая крепость была отлично устроена. Конюшня, кузница, сеновалы, амбары с припасами, колодец и даже подземная темница – ни о чем не было забыто. Такое укрепление можно было удерживать очень долго. Видел там наместник и столб из врытого комлем вверх соснового ствола, причем из этого комля был весьма искусно вырезан двенадцатиголовый Первородный Змей. Аршалай икнул, но сделал вид, что не заметил пакости, хотя змей нагло торчал

прямо посреди двора.

Данхар поджидал гостя у края тропы, ведущей к воротам крепости.

– Мой друг желает отобедать? – Словно принуждая себя, он указал наверх.

Аршалай незаметно улыбнулся. Он знал, что для накха вводить чужака в свой дом – почти нестерпимое мучение. Даже одно приглашение расценивается как знак высочайшего доверия... Несколько мгновений наместник колебался, но, вспомнив об угощении, которое ему в прошлый раз подали накхи, все же решил отказаться от их гостеприимства. «Это жареная белка, нарочно для тебя ловили – кушай, дорогой друг! – содрогнулся он, вспоминая одну из худших трапез в своей жизни. – И ведь пришлось есть, иначе Данхар изобразил бы смертельную обиду. В этот раз, может, и жарить не станут – за хвост, об дерево, и пожалуйста за стол! А может, и не белка это никакая была, а вовсе крыса...»

– Благодарю тебя за приглашение, – любезно ответил Аршалай. – Я бы и рад, да в прошлый раз я видел у тебя на лавке здоровенную гадюку. Как бы мне по неловкости не сесть на нее!

– Дом без змеи – пристанище дивов, – ответил Данхар накхской пословицей. – Если в доме не живет змея-хранительница, а лучше несколько, он неуютен и пуст. По нему шастают мыши и призраки. Не беспокойся. Я попрошу ее тебя не кусать.

– Можно подумать, она тебя послушает, – проворчал наместник. – Нет уж, пошли лучше прогуляемся. Порадуемся лику Исвархи, который так редко является нам в здешних краях...

Как и прежде, он спокойно оставил коня пастись под приглядом невидимых стражей, и старые друзья направились по знакомой тропинке к небольшому лесному озерцу.

– Я слышал, ты прибыл прямо из Майхора, – заговорил Данхар после недолгого молчания. – Все ли благополучно в столице Бьярмы? Как здоровье твоей драгоценной супруги?

Аршалай дернул уголком рта и махнул рукой:

– Ты не мог спросить о чем-нибудь более занимательном? Например, о моих новых плавильных печах. Они беспокоят меня куда больше, чем здоровье драгоценной супруги. Вот недавно одна лопнула без всяких видимых причин! Я страшно переживаю, как бы и остальные...

Данхар усмехнулся.

– С чем ты приехал? – без обиняков спросил он.

– Я получил вести из Белазоры, – начал Аршалай. – Мой человек сообщает, что в Северном храме видели царевича Аюра. На сей раз не подменыша, а самого настоящего.

– Как это поняли? Его кто-то узнал?

– Он остановил большую волну.

– Совсем? – удивленно поглядел на него нахк.

– Нет. Но все выжившие как один утверждают, что волна

застыла на месте и стояла неподвижно, покуда царевич не отпустил ее.

– Разве такое возможно?

– Не забывай, сын Ардвана – из Солнечной династии. Одному Исвархе ведомо, на что они способны.

– Твой человек видел это чудо своими глазами или кто-то рассказал ему после третьей кружки?

– Он был там, смотрел с храмовой стены.

Данхар недоверчиво покачал головой:

– Мне сложно в это поверить. Ни мой отец, ни дед, ни дед моего деда не рассказывали о каких-либо чудесах, совершенных правителями Аратты. Но я верю тебе, если ты ручаешься за своего человека... Кстати, он сообщил, где сейчас царевич?

– Еще совсем недавно Аюр был в храме. Потом некто – вероятно, блюститель престола – подослал к нему убийцу.

На изуродованном шрамами лице накха появилась жутковатая улыбка.

– Занятно. Расскажи!

– В самом деле занятно, друг мой, – согласился Аршалай. – Когда убийца проник в покои царевича, тот спал – да так и не проснулся...

– Аюр мертв?

– Нет – он не проснулся, но, верно, силой мысли заставил убийцу выброситься в окно.

– Ты шутишь?

– Это правда, Данхар. Мой человек все видел своими глазами. Вскоре после покушения сын Ардвана в глубокой тайне покинул храм. С ним всего два человека свиты – раненый стражник и хромой мальчишка...

– И где Аюр сейчас?

– Об этом надо спросить у Светоча. Да только вряд ли он пожелает разговаривать с нами.

– Я могу его попросить, – оскалился Данхар.

– Лучше не пробуй. И, кроме того, не забывай, что он все же один из высших служителей Исвархи.

Накх промолчал, пренебрежительно дернув плечом.

– В любом случае, – продолжал Аршалай, – в храме царевича больше нет. Его отправили в тайное лесное убежище, известное только Светочу. После чудес с водами Змеева моря Аюр был очень плох, но сейчас быстро поправляется...

– Если все упирается в старикашку-жреца, давай я пошлю в Белазору накхов, – предложил Данхар. – Они притащат сюда этого Светоча, и ты сам побеседуешь с ним.

– Ты что, вздумал умыкнуть главу Северного храма? – возмутился Аршалай.

– Не думаю, что это будет сложно.

Наместник вздохнул, возведя глаза к небу, а Данхар продолжал:

– Даже если Светоч окружит себя храмовой стражей...

– Нет-нет, и не думай! Это никудышная затея! Во-первых, ты не представляешь, что такое «этот Светоч». Он способен

убить человека, просто поглядев на него!

– Что ж, этак я не умею, – согласился Страж Севера. – Но я знаю сотни других способов. И уж поверь, с завязанными глазами и кляпом во рту ему будет крайне сложно убить кого-то взглядом... Или, может, ты сомневаешься в моих людях? Опасаешься, что их заметят и обвинят тебя?

– Речь совсем не об этом!

Данхар вдруг остановился, поднял руку, и из-за ало-золотистого куста боярышника, точно вырос на кочке, появился молодой накх.

– Семнадцать, – с поклоном сообщил он и вновь исчез в лесу.

– Могло быть и лучше, – заметил ему вслед Данхар.

– О чем это он? – изумленно спросил Аршалай.

Страж Севера хмыкнул:

– Пойдем, кое-что тебе покажу, чтобы ты не сомневался.

Данхар направился вперед быстрым шагом. Наместник последовал за ним.

На берегу озерца выстроился ряд накхов. Воины исподлобья глядели на стоящего перед ними собрата – того самого, который с загадочными словами появлялся на тропе. Накх, завидев выходящих из леса Данхара и наместника, устремил на маханвира вопрошающий взгляд.

– Начинай, – приказал Данхар.

Юноша неторопливо пошел вдоль строя, отвечивая каждому из стоящих накхов оглушительную пощечину. Было

видно, как воины шатаются после удара.

– Что он делает?

– Бьет. Сам видишь, их семнадцать.

– Я уже сосчитал. Но зачем?

– погоди, сейчас увидишь.

Вскоре из лесу один за другим начали появляться еще накхи. На этот раз наместник насчитал пятерых. Бывший остановился, тяжело вздохнул, поднял голову и завел руки за спину. Вновь прибывшие начали по очереди подходить к нему и наотмашь лупить по щеке его самого. Когда все пятеро закончили этот странный обряд, едва стоявший на ногах наkh рухнул на прибрежный песок.

– А все же что это было? – озадаченно спросил Аршалай.

– Игра, – с улыбкой объяснил Данхар. – Мы называем ее «прятки». Несколько воинов уходят в лес и прячутся там. Но тот, кто ищет, никогда не знает, сколько именно. Он просто идет, слушает и глядит вокруг себя. Если кого-то заметил – указывает на него. Когда заканчивает путь – сообщает, сколько человек нашел. Дальше ты все видел сам. Те, кого он заметил, получают оплеуху. Те, кого пропустил, – сами ее дают. Если бы он упал раньше, чем получил бы все оплеухи, то потом их отвесили бы ему сначала.

– Веселые у вас, наkhов, игры...

– Да. Эту я придумал, – не без гордости ответил Данхар. – Можешь поверить: после таких игр заметить моих парней в лесу невозможно, даже наступив любому из них на руку.

– Неужели никто из них не затаил зла? – с сомнением глядя на жестоко избитых друг другом накхов, спросил Аршалай.

Данхар неподдельно удивился:

– На что обижаться? Они прекрасно знают, что каждый дружеский удар позволяет им избежать гибели в бою. Они благодарны друг другу!

– И верно, тебе особенно?

– Как же иначе? Да хоть бы им не нравилась моя игра, они все равно повиновались бы. Верность долгу и своему вождю у накхов в крови.

– Гм... То есть прикажи ты им не поколотить, а убить друг друга...

– Они бы это сделали. Но зачем? Пусть парни играют. Зато потом, даже если они залезут в спальню к Светочу...

– То, что я увидел, достойно восхищения, – поспешно отозвался Аршалай. – Но послушай меня, Данхар. Мы не станем похищать верховного жреца – ни из спальни, ни из храма.

– Ну а как тогда мы будем искать Аюра?

Аршалай переплел пальцы:

– Мы несомненно будем его искать... Но будет намного лучше, если Аюр призовет нас под свои знамена сам, без принуждения. Тогда уже мы будем решать, что делать... А если ты притащишь сына Ардвана как пленника, перебив его людей, мы получим врага, которого нет смысла оставлять в живых. Мне что-то не нравится затея убивать наследника

Солнечной династии – особенно такого, который способен приказывать морю...

– Для этого его сперва нужно найти, – напомнил Данхар.

– Да, конечно, но...

Друзья продолжили неспешную прогулку – на этот раз в обратную сторону. Аршалай шагал, задумчиво пиная сосновые шишки, что подворачивались ему под ноги. Наконец он поднял голову и спросил:

– Ты знаешь, что в Яргару прибыл человек Кирана с войском?

– Да, уже знаю, – кивнул накх. – Его зовут Каргай. Он привел с собой четыре сотни воинов.

– А о нем самом ты что-нибудь слышал?

– Нет... – Данхар задумался. – Прибыл из столицы, а имя вроде бы местное...

– Каргай – бьярский полукровка, – объяснил наместник. – Когда нынешний блюститель престола правил болотными вендами, Каргай у него верховодил следопытами. Сам знаешь, Киран терпеть не может накхов, а без следопытов в тех краях никак не обойтись. Говорят, что когда-то Каргай выследил и заманил в западню верховного вождя болотных вендов...

Данхар одобрительно кивнул:

– Славный воин. И зачем же его сюда прислали? Ты уже узнал?

– Конечно.

– Гм... Как тебе это удалось?

– Хотелось бы сказать, что мои соглядатаи куда лучше твоих, – с хитрым видом ответил правитель Бьярмы. – Но по правде сказать, Каргай сам явился ко мне с грамоткой от Кирана. Ему поручено изловить самозванца и подавить зачатки мятежа.

– Вот как!

– Да. Мне предписывается оказывать ему всемерную помощь. Он имеет право даже забрать мои штаны, если те ему понадобятся, чтобы поймать ими царевича... Я попытался убедить его, что сам, без меня, он едва ли справится. Но он лишь посмеялся. Зачем ему я, если у него есть бьяры и войско? Здесь это важнее...

– К чему ты клонишь? Уж не боишься ли, что его сюда прислали на твое место?

– К чему говорить о страхах? – поморщился Аршалай. – Тем паче сам знаешь – все, что угрожает моей голове, и твоей не полезно... Но я пекусь о другом. Каргай наверняка кого-то выследит. Ибо в последнее время в наших краях действительно проросли зерна мятежа. Однако кто может сказать наверняка, что наш ловчий случайно не захватит истинного царевича? Как мне видится, Киран удобно расположился на престоле своего тестя и вовсе не горит желанием кому-то его отдавать.

– Тогда он сам бунтовщик!

– Ты сегодня проницателен как никогда, мой друг! Но за

ним есть сила, а за местными самозванцами – нет. И что хуже всего, сейчас ее нет и за настоящим царевичем. За храмом тоже, иначе бы они его не прятали... А это значит, что Каргай может поймать настоящего Аюра и утопить его в болоте – и никто ему слова не скажет...

Данхар поглядел на него с недоумением:

– К чему ты ведешь?

– Как – к чему? Сейчас, когда Аюр слаб и одинок, первый, кто поможет ему, станет его лучшим другом и соратником!

– Но Киран все еще сидит на престоле, – напомнил Данхар. – Он объявит истинного Аюра самозванцем, а нас с тобой – бунтовщиками и назначит награду за наши головы.

– И об этом я тоже размышлял, – кивнул Аршалай. – Признаюсь, мысль о том, что моя голова, отдельно от всего остального тела, будет глядеть на въезжающих в Верхний город, совершенно меня не радует.

– И поэтому ты придумал...

– И поэтому я действительно кое-что придумал. Как ты помнишь, твой родич Ширам нынче провозглашен саарсаном и успешно воюет на юге. Когда царевич будет у нас, ты уведомишь его о том, что Аюр – здесь, в безопасности, окруженный надежным войском...

– Я не стану посылать Ширану письмо. И никаких дел с ним иметь не желаю.

– Слушай, мне нет дела до ваших семейных дразг. Какие-то давние счеты не должны стоять на пути великих де-

яний!

– Я не стану, – раздельно ответил нахх.

– Значит, найди, кто это сделает вместо тебя!

Голос Аршалая прозвучал резко, как удар кулаком об стол.

– Нет! – бросил Страж Севера.

С десятков шагов они шли молча.

– Ладно, – произнес наконец Аршалай, – не хочешь – не пиши. Когда Аюр будет в наших руках, всегда останется возможность войти в переговоры с Кираном. Скажем, что мы нарочно изловили царевича, чтобы передать ему из рук в руки. Но в любом случае этот наглый Каргай с его войском для нас – как заноза в заднице.

– Что мне с ним сделать? – спросил Данхар.

На губах вельможи вдруг заиграла лукавая улыбка.

– Раз уж он следопыт, то и пусть идет по следу!

– Какому следу? – в замешательстве спросил Страж Севера, тщетно пытаясь успеть за причудливым полетом мысли наместника.

– Который ты ему проложишь.

– О чем ты, не понимаю!

– Скоро я дам тебе того, кто на время станет Аюром. Твоя задача – пусть Каргай узнает о нем. И проследи, чтобы ловчий ушел за ним как можно дальше в чащобы, туда, где он перестает доставлять нам беспокойство... Можно, к примеру, завести его к южным отрогам Змеиного Языка. Говорят,

там водятся такие жуткие твари, что можно помереть от одного их вида...

– Сделать так, чтобы он там и остался? – уточнил Данхар. Наместник неопределенно пожал плечами:

– Я сказал «увести». Но ты волен понимать как пожелаешь. Я не стану останавливать тебя.

Страж Севера кивнул.

– А что потом, когда мы избавимся от Каргая? Начнем ловить Аюра?

– Ох, что ты такое говоришь?! Не «ловить Аюра», а искать молодого государя, чтобы верноподданнически предложить ему помощь и поддержку! Кстати, из Белазоры ведет не так много дорог. Советую твоим воинам следить за жрецами, которые отправятся оттуда в лесной край в одиночку...

– Угу, – ухмыльнулся нахх. – А всех самозванцев, какие мне подвернутся в поисках, я, стало быть, побросаю в болото...

– Ну зачем же сразу в болото? Их тоже тащи ко мне. И непременно вместе со жрецами! – Аршалай воздел руки в притворном негодовании. – «Неужто Северный храм опустился до такого низкого обмана?!» Этот вопрос я задам Светочу при встрече. Ну а если мы с ним не договоримся, ложные Аюры и настоящие луковые жрецы в одной клетке отправятся к Кирану...

Тропа вновь вывела их на берег озера, возле заросшего камышом затона. Наместник и воевода остановились, наблю-

дая за полетом гусей, которые клином летели к югу, то появляясь, то исчезая в разрывах туч. Было слышно, как птицы еле слышно перекликаются где-то в вышине.

Наместник вдруг застыл на месте, невольно пригнувшись. Над пожелтевшими камышами плавно двигалась черная, змеейному длинная шея.

– Смотри! – зашептал Аршалай. – Святое Солнце, кто это там?

Через мгновение он получил ответ. Из камышей на чистую воду медленно выплыл огромный черный лебедь. У наместника перехватило дыхание. Ничего подобного он в жизни не видал. В Бьярме лебеди встречались редко, только белые и куда мельче.

– О свет Исвархи, впервые вижу такую птицу! – Аршалай, не разгибаясь, начал пятиться от озера в сторону крепости. – Скорее пошли кого-нибудь за моим луком, он у седла...

– Нет, – негромко ответил Данхар, крепко взяв приятеля за локоть. – В него нельзя стрелять. Один такой с луком уже сюда явился в начале лета, сидел вон в тех кустах, выслеживал... Это его скелет ты видел сегодня на березе.

– Вот как... – в замешательстве протянул наместник, провожая величественную птицу взглядом. – Однако странно, что бьяр решил поохотиться на лебедя, тем более на такого необычного. Скорее, принял бы его за местное божество...

– А это был и не бьяр.

Аршалай хотел было спросить «а кто», но промолчал, ре-

шив, что ответ в любом случае ему не понравится.

– Лебедь прилетел сюда еще весной, – тихо заговорил Данхар. – Один, без пары. Живет на нашем озере все лето. Мы его оберегаем, следим, чтобы никто его не тревожил...

Черный лебедь поднял голову, глядя вслед пролетающим гусям, вытянул шею и издал призывный клич, эхом раскатившийся над водой.

– В последние дни он что-то беспокоится, – добавил Данхар. – Все смотрит в небо, кричит... Мы думаем, он скоро улетит.

– Эх, – подавляя досаду, вздохнул Аршалай. – Но откуда он такой здесь взялся?

– Не знаю откуда. Но знаю зачем. Он прилетел за чьей-то душой, – спокойно ответил Данхар. – Кого-то из нас.

Глава 8

Побег

Аршалай закончил лакомиться белорыбицей, запил ее вином, утер губы и повернулся к десятнику:

– Зови следующего.

Тот поклонился и отправился на двор, где ждали самые молодые из пригнанных на Ров пособников заговорщика Артанака.

– Все не то!

Наместник, скривившись, повернулся к сидевшему рядом Данхару:

– Стая дворняжек! Поневоле пожалеешь, что мятежных арьев казнят в столице, а не шлют сюда...

– Позапрошлый парень вроде был похож на Аюра.

– Слушай, ему уже лет двадцать пять, а то и побольше.

Мне нужен юнец лет шестнадцати.

– А если такой не сыщется?

– Должен сыскаться.

Дверь приоткрылась, и десятник втокнул в просторную клеть изможденного подростка с большими, глубоко запавшими глазами. Тот затравленно озирался, но, заметив уставленный яствами стол Аршалая, застыл как околдованный. В животе у ссыльного заурчало, ноги подкосились, мальчишка качнулся вперед, схватившись за дверь.

В руке накха тут же возник метательный нож.

– Не надо, пощадите! – взмолился юнец. – Я ничего не сделал! Просто я давно не ел...

– Разве тебе поутру не давали лепешку? – строго спросил Аршалай.

– Половину я отдаю надсмотрщику, чтобы он не бил меня за то, что я медленно копаю... Но у меня нет сил копать быстрее...

– Эй, что ты такое несешь, лживый червяк? – возмутился десятник.

– Замолчи и выйди! – оборвал его наместник. – Когда нужно, я призову тебя.

Когда дверь за стражником закрылась, изучающий взгляд правителя Бьярмы снова устремился на мальчишку-ссылного.

– Итак, ты давно не ел, – повторил Аршалай, накладывая серебряной ложечкой икру на тонкий ломоть хлеба. – Это легко поправить. Ты честно и без утайки ответишь на мои вопросы, и я накормлю тебя.

– Я скажу все, что знаю! – всплеснул руками тот. – Хотя, клянусь Исвархой, дарующим свет моим глазам, я уже говорил это много раз!

– Просто отвечай на мои вопросы. Как тебя зовут?

– Мать назвала меня Маганом, ясноликий господин.

– Судя по твоему выговору, ты вырос в столице?

– Да, мой отец был конюшим у мятежника Артанака, да

будет проклято его имя! Отцу отрубили голову, а меня отправили сюда...

– Он был арием? – удивился наместник.

– Да, господин.

– А по тебе и не скажешь.

– Моя мать была полукровкой, служанкой в доме Хранителя Покоя.

– А ты, стало быть, решил вознестись над своей судьбой и примкнул к заговору ничтожных против государя?

– Поверь, господин, и в мыслях не было! – жалобно зачастил подросток. – Я ничего не знал до той поры, пока Жезлоносцы Полночи не скрутили меня и не поволокли в пыточную...

– Ты хочешь сказать, – развеселился Аршалай, – что просто шел по улице и тебя схватили жезлоносцы?

Маган опустил голову и тяжело вздохнул:

– Нет, господин. При мне была записка. Мой высокородный отец велел передать ее начальнику городской стражи. Время от времени он приказывал мне относить послания. Но я же не знал, что в них! Не ведал, кто их писал... Откуда мне было знать, что Артанак – да пожрет его душу Змей! – задумал недоброе? Ведь он был близким другом государя!

Аршалай повернулся к Стражу Севера:

– Как думаешь, друг мой, заморыш говорит правду?

– К чему ему врать? – пожал плечами нахх. – Дальше Великого Рва его уже точно не сошлют.

– Я говорю правду, милосердные господа! – воскликнул Маган, жадно глядя на стол наместника. – Да иссушит Исварха мое тело до последней косточки, если я соврал хоть словом!

– Выходит, ты почти невиновен?

– Так и есть, клянусь Солнцем!

– Хорошо, я готов тебе поверить. Сейчас тебя накормят.

Глаза сына конюшего блеснули, но затем его лицо вновь приобрело опасливое выражение.

– Но ведь не просто так... Какую службу мне надо будет исполнить?

– Самую привычную. Я дам тебе письмо...

– Опять письмо? – прошептал ссыльный, бледнея и отшатываясь к двери.

– Зато дело знакомое, – усмехнулся Аршалай. – Не скажу, чтобы оно было совершенно безопасным, но к тебе приставят охрану. А уж ты сделай все, чтобы выполнить мое поручение.

– Я могу отказаться, добрый господин? – осторожно спросил Маган, обнадеженный его улыбкой.

– Можешь, – добродушно ответил Аршалай. – Но тогда завтра тебе уже не надо будет делиться лепешкой с кнутабойцем.

Подросток замер, переваривая услышанное. Чем бы ни грозило поручение наместника, оно давало хотя бы несколько дней жизни. А уж там – будь что будет...

– Я повинуюсь, господин, – сдавленным голосом ответил он.

– Вот и замечательно. Сейчас тебя накормят, отмоют до чиста... Тебе придется несколько изменить внешность, чтобы не привлекать внимания. Мой брадобрей займется этим. Эй! – Аршалай хлопнул в ладоши, вызывая десятника. – Остальных можно вернуть на работы. Этому дайте есть. К моему отъезду он должен выглядеть как человек. И не вздумайте больше его бить. Обращайтесь с ним с высочайшим почтением.

Тот склонился и сделал мальчишке знак следовать за ним.

– Скажи, друг... – Данхар проводил их полным сомнений взглядом и обратился к наместнику: – Тебе прежде доводилось видеть царевича?

– Да, мельком. Много лет назад я приезжал в столицу и был принят государем. Его младший сынишка тогда скакал на деревянном коне и рубил кусты маленьким мечом. Уверен, с тех пор он несколько изменился...

– Наверняка, – буркнул Данхар. – Неужели ты думаешь, что Каргай, видевший Аюра много раз, спутает царевича с задохликом-полукровкой? Как по мне, мальчишка не похож ни на ария, ни на бьяра, ни на венда, ни тем паче на накха. Обычное никто из Нижнего города!

– Это и хорошо, – довольно отозвался Аршалай. – Мой брадобрей окрасит ему волосы. Но не в золотистый цвет, а в песочный или рыжий. Так, чтобы было издалека видно, что

они крашенные. И парень – не тот, за кого себя выдает. Он почти одних лет с Аюром и держится совсем не так, как местные жители. Этого достаточно, чтобы пустить нужный слух.

– А глаза? Как же глаза? У юнца они серые.

– Я тоже это заметил, – кивнул наместник. – Но их цвет можно разглядеть только вблизи. Наша забота – сделать так, чтобы к парню было не так просто приблизиться... – Аршалай потянулся и поднялся из-за стола. – Ну а теперь, когда вопрос с «царевичем» решен, займемся его свитой...

Лицо Данхара вдруг исказила страшноватая гримаса, у прочих людей означавшая улыбку.

– Кстати, о свите; ты уже слышал, что учудил твой Каргай?

– Он такой же мой, как и твой, – брезгливо поджал губы Аршалай.

– Да плевать. Какая-то лесная птица насвистела ему, что Аюр со свитой объявится в святилище Спящего Бобра на празднике... что там у них чествуют? Последний сноп?

– День Пугала.

– Так твой Каргай решил стать самым лучшим пугалом для бьяров и заявился туда со всем войском. Когда его сородичи принялись поливать пивом тамошний священный камень, его свора набросилась на разряженных бьяров. Побросали людей в грязь лицом, кого-то порубили, но царевича не поймали. Сам Каргай призывает Исварху в свидетели, что Аюр там был, и его люди твердят, будто видели его собственными глазами. Но все это очень похоже на сговор. А у этого

Каргая, как мне представляется, ума не больше, чем у дятла...

Аршалай в задумчивости глядел на накха.

– Не думаю, что все так просто. Каргай вовсе не глупец. Если кто-то провел его, значит мы имеем дело с хитрым и ловким противником. Проклятие... я совсем не хочу с ним враждовать!

– Ты намекаешь на Северный храм? – сообразил Данхар.

– На что же еще! Не на местных же росомах. Хотя, несомненно, они мерзкие твари.

– Жрецы?

– Росомахи!

– Так, может, не будем мудрить? Не хочешь похитить Светоча, как я предлагал, – напиши ему, что мы с ним заодно!

– А с чего ты взял, что мы с ним заодно? – хмыкнул Аршалай. – Ты пойми: Светоч и его люди – вовсе не то же самое, что ученый Тулум, сидящий над свитками в своем златокупольном храме. Эти не согласны на роль правой руки государя. Эти желают, чтобы государь был у них на посылках...

Дверь с грохотом распахнулась. На пороге, тяжело дыша, появился начальник стражи с обнаженным мечом в руке:

– Ссылные взбунтовались! Доблестный Данхар, спасайте наместника, я задержу их!

В тот день Господь Солнце, кажется, решил не подниматься на небосклон вовсе. С самого утра небо заволокла косматая сизо-серая туча. Задул ледяной ветер, и свирепый снегопад обрушился на Великий Ров. Вмиг его грязно-желтые скаты стали белыми. Неужели в Бьярму пришла зима?

Но вскоре ветер изменился, и сразу потеплело. Снег таял прямо в воздухе, по дну котлована побежали мутные ручьи, быстро превращая глинистую землю на дне Великого Рва в липкую непролазную грязь. Снегопад перешел в затяжной ливень, который к полудню только усилился. Студеные струи бичами хлестали ссыльных по тощим спинам. Из онемевших рук выпадали заступы и лопаты. То один, то другой обессиленно валился наземь. И когда их обжигали удары кнутов, люди лишь дергались и стонали от боли, не в силах подняться.

– Бесплезно, – глядя на мучения землекопов, твердил начальнику охраны смотритель работ. – Они лишь месят грязь! Тачку невозможно закатить даже по настилам – слишком скользко...

– Но господин сказал, работы не должны останавливаться из-за какого-то там дождя, – возражал сотник.

– Господин не говорил, что ссыльные должны подыхать во рву без всякого толку! Там, наверху, тоже есть работа. Пусть

дробят камень, раз нельзя копать...

– Смотри... – Начальник стражи ткнул собеседника пальцем в грудь. – Ты сказал – я услышал. Надеюсь, ты говоришь правду.

– Какой обман? Сам все видишь!

К сотнику подошел один из стражей и что-то прошептал на ухо.

– Я отлучусь на время, – бросил тот и повернулся к стражнику. – Пока меня не будет, остаешься главным. Если вдруг что – я спрошу с тебя.

Площадка на самом краю рва была обнесена наскоро поставленным частоколом. С его внешней стороны ходила стража. Утром каждого дня со всей округи бьяры свозили сюда найденные по округе валуны. Чуть свет повозки, запряженные парой невысоких мохнатых быков, с трудом вползали внутрь изгороди и разгружались неподалеку от места, где работали дробильщики.

Обычно здесь долго не заживались. Целыми днями бить камень, задыхаясь от висящей в воздухе серой влажной пыли, и все это впроголодь – даже самые крепкие через несколько лун начинали кашлять, плевать кровью и вскоре умирали. Тела сбрасывали между двух вбитых в днище Великого Рва стен, засыпали битым камнем и сверху замазывали глиной.

Но пока ссыльные были живы, они раз за разом навали-

вали крупные осколки в короб дробилки, носившей по своему изобретателю прозвище «Благословение святейшего Тудума». Те, кто посильнее, налегали на рычаги, поднимая и опуская закрепленную над ней бронзовую чушку, раскалывающую камень на части. Затем короб приподнимался, наклонялся, и осколки ссыпались вниз.

Мерные удары тяжелых молотов по камню заглушали все вокруг. Варлыга зыркнул на ближайшего стражника, затем наклонился к соседу и проорал ему в ухо:

– Как договаривались!

Тот кивнул. Оба засунули шесты под увесистый камень, чтобы свалить его в деревянный короб дробилки. Напряглись... В этот миг шест в руках вожака вендов треснул, камень сорвался... Приятель Варлыги едва успел отскочить в сторону.

– Ты что же делаешь? – закричал он, набрасываясь с кулаками на венда.

Варлыга встретил приятеля могучим пинком. Тот отлетел, поскользнулся в мокрой грязи, взвился на ноги и снова бросился в драку.

– А ну, прекратить! – подскочил к ним стражник.

И рухнул, хрипя, – в горло ему воткнулся острый обломок шеста. Варлыга сунул в рот два пальца и засвистел так, что было слышно даже сквозь грохот молотов.

Тут же, будто подчиняясь приказу, работники набросились на охрану. Воинов валили наземь, подцепив сзади под

ноги, колотили шестами, добивали упавших тяжелыми молотами.

Завыл сигнальный рожок. Появившаяся на ограде стража была встречена градом камней, брошенных с помощью длинных лоскутов, загодя оторванных от собственной одежды.

В это время дробильщики с молотами подскочили к воротам и в несколько ударов разнесли засов.

– Вперед! Бегом! Все бегом! – кричал Варлыга.

Его соплеменники толкали упиравшихся работников в спину.

– Нас же всех казнят! – слышались вокруг перепуганные голоса.

– Вперед, не то я сам тебя прибью! А ну, встал и побежал!

Венд подхватил одного из ссыльных, пытавшегося спрятаться между убитыми, пнул его под зад и заорал:

– Бегом, скотина! Забирайте у стражников оружие! Вот теперь все будет как надо...

* * *

К вечеру дождь поутих, но все же продолжал накрапывать, повисая в ранних вечерних сумерках влажным облаком. Аршалай стоял посреди двора дробильни, с досадой разглядывая свои перепачканные сапоги из дорогой кожи и тела стражников, погибших во время мятежа. Начальник охраны

хотел убрать их, но Данхар запретил трогать мертвецов до осмотра. Сейчас он бродил между ними, то и дело наклоняясь и качая головой.

– Есть что-то стоящее внимания? – спросил наместник.

– Пожалуй. – Накх выпрямился. – Среди ссыльных были воины?

– Откуда мне знать? – пожал плечами правитель Бьярмы. – Сюда присылают людей из разных мест. Кто-то из них наверняка поднимал оружие против Солнечного Престола.

– Нет. Я говорю о наших. Тех, кто учился воинскому делу в столице, под знаменами государя.

– Почему ты так решил?

– Смотри – вот лежит мертвый стражник. Остальные отбивались от бунтовщиков копьями, а у него был меч. Должно быть, он десятник – простых вояк не обучают работать мечом...

– Я не вижу у этого парня никакого меча, – возразил Аршалай.

– В том-то и суть. Меча нет, но остались ножны на поясе. А теперь гляди... – Данхар указал себе под ноги, – около мертвеца два обломка шеста. На одном зарубка. Но она идет не прямо, а косо. Значит, тот, у кого этот шест был в руках, не просто подставил деревяшку под удар, пытаясь закрыться, а увел клинок в сторону. А вторым обломком он нанес сильный и точный удар десятнику в висок – видишь рану? Потом мятежник отбросил палку и завладел мечом...

– Откуда ты знаешь?

– Ну, как ты верно заметил, меча у этого парня уже нет. – Данхар наклонился, выпрямился и поднял два обломка палки. – Видишь? У десятника проломлен череп, толстый конец палки в крови. Тонкий конец тоже в крови, он заострен – я бы сказал, искусно обломан. Там, у самой дробилки, лежит еще один бедняга. Ему воткнули древко в горло. Я уверен, то же самое древко. Но заметь – бунтовщик не позарился на копье. Он был совершенно уверен в своих силах. С легкостью убил двух вооруженных стражников сломанной палкой, забрал меч...

– Что ж, тонкое наблюдение, – похвалил Аршалай. – И что это нам дает?

– Многое, мой благородный друг. Очень многое. Окажись среди ссыльных накх, я бы не удивился столь ловкому владению оружием с обеих рук. Но мне известно еще одно племя, где подобное в чести. Это венды. Их с детства учат сражаться двумя руками, используя второй клинок вместо щита. Покуда не пришли арьи с конными лучниками, и нам, и им для войны этого вполне хватало. Лютвяги и сейчас умудряются отбивать палкой летящую стрелу... Итак, мы имеем дело с вендом. Он высокий – здесь остались его следы, – сильный, дерзкий, очень быстро соображает. И, судя по тому, что унес меч, он прошел обучение в столице, в войске государя. А теперь скажи мне, как его зовут.

– Варлыга, – с отвращением проговорил Аршалай. – То-

то я думал, где он так хорошо наострился болтать по-нашему...

– Тот самый, которого ты поставил старшим над землекопами, – посмеиваясь, уточнил Страж Севера.

– Я, несомненно, сделал правильный выбор! – обиделся наместник. – Он прекрасно руководит людьми... Кстати, у меня имеется по его поводу кое-какая мысль...

– Порубить на куски и скинуть в ров?

– Для начала излови его. Живьем.

– Лучше бы мертвым, – буркнул Данхар. – Таких лучше в живых не оставлять.

Наместник покачал головой, улыбаясь:

– Не-ет. Варлыга мне еще пригодится...

* * *

Лесная речушка была не слишком широкой, но быстрой. Струи воды вскипали и пенились на перекатах, то и дело обнажая речное ложе, усеянное обломками дикого камня.

– Здесь пойдем, – внимательно осмотрев противоположный берег, промолвил Андемо.

– Уверен, что здесь? – с сомнением глядя на бурлящий среди камней поток, спросил Варлыга. – Не снесет?

– Я тут прежде ходил, – ответил бьяр. – А на той стороне, как пройдем, надо будет сразу греться. Вода студеная!

– До той стороны еще дойти надо...

– Дойдем. Все тихо. – Он обвел рукой густой окрестный ельник. – Арьяльцы про этот брод не знают.

– О прошлом ты говорил то же самое – а мы едва не столкнулись с ними нос к носу!

– Они, верно, и не знали, раз так шумели. Нас искали, вот и наткнулись на брод. Поди, и сейчас нас там ждут... – Молодой бьяр улыбнулся. – Мы-то их видели, а они нас – нет!

– Может, ты и прав...

Варлыга еще раз внимательно осмотрелся. Лес, казалось, спал долгим, беспробудным сном.

– Дам тебе трех вендов, – решил предводитель беглецов. – С ними вперед уйдешь. Осмотритесь там. Если и впрямь все как видится, дай знак. Мы пока подождем тебя здесь. И братья твои тоже.

– Братья-то чего? Не доверяешь?

– Когда б я вам не доверял – еще у первого брода прикончил бы, – мрачно ухмыльнулся Варлыга. – Не говори пустого. Сам подумай – а вдруг и тут арьяльцы уже засели? Как нам обратно в лес уходить? Нас тут же отыщут по горячему следу! А так, глядишь, твои братья уведут тайными тропами...

– Все-то предусмотрел, – покачал головой Андемо. – Значит, мне, если что, первому погибать?

– А ты как думал? Мы с тобой о том и рядились. Мои парни тебя с братьями на Великом Рву защитили? Защитили. Когда бы не они, вас бы там попросту затоптали.

– Защитили, – склонил голову бьяр. – Ты, верно, и сам не понимаешь, что для нас сделал. Милостью богов ты вызволил моих родичей из Длинной Могилы. Аршалай губит землю, разрушает обиталища духов, оскверняет священные места – и все это нашими руками! Гнев Тарэн зреет, как весенний паводок, чтобы внезапно прорваться, уничтожая правых и виноватых. Мы страдаем от этого ожидания больше, чем от голода и непосильного труда. Наместник, словно слепой или безумец, тащит всех прямо в трясины...

Варлыга с изумлением слушал приятеля. Никогда прежде он не слышал от тихого и немногословного Андемо таких длинных речей.

– Мы все обязаны тебе больше чем жизнью, – продолжал тот. – И поможем всем, чем сумеем. Хочешь пройти через наши земли до Холодной Спины – значит тому и быть. Мы пойдем вперед, разведаем дорогу, проведем тебя и твоих людей, а потом вернемся по домам. И будем молить нашего небесного защитника Зарни Зьена снова явиться и остановить святотатство.

– Да услышат тебя ваши бьярские боги, – отозвался Варлыга.

Андемо кивнул и шагнул вперед. Вслед за ним трое вендов по приказу Варлыги вступили в холодную воду. Она обожгла их так, что даже на берегу было слышно тихое подвывание. Буруны крутились у самых колен, но крошечный отряд продолжал двигаться к дальнему берегу. Осторожно прощу-

пывая ступнями мокрый камень, беглецы втыкали длинные шесты в еле заметные в клочьях пены трещины между камнями, опирались, делали очередной шаг. Варлыга не отрываясь глядел на соратников. Рядом с высокими плечистыми вендами Андемо выглядел совсем подростком. Но свои леса он должен знать прекрасно. Если он утверждает, что эту реку можно здесь перейти, значит так оно и есть.

Варлыга стиснул зубы, не желая показывать сотоварищам, как хочется ему уже оказаться в дривских лесах. Там земли его рода – вот только родовичей не осталось. Может, кто и уцелел, но об этом он узнает, только когда вернется в Мравец...

Наконец все четверо оказались на другом берегу. Разошлись и вскоре снова вернулись на берег, показывая: все спокойно.

– Сейчас иду я, со мной десяток и ты. – Вожак указал на младшего брата проводника. – Вы трое пока сторожите на этом берегу. Если недруг появится, орите во всю глотку...

Отряд выстроился цепочкой и, держась за плечи друг друга, вошел в ледяную воду.

Казалось, уже ничто не может задержать беглецов. Но в тот самый миг, когда они были посреди реки, берега вдруг ожили. Пушистые зеленые ели в единый миг будто взмыли в воздух, и из подземных укрытий на вчерашних ссыльных бросились накхи. Венды даже не успели изготавиться к бою. Их швыряли лицом на землю и скручивали, как лосят.

– Назад! – закричал Варлыга.

Однако едва оглянулся, как понял, что уже поздно. Накхи были повсюду.

Из лесу на берег вышел Данхар в сопровождении нескольких воинов.

– Стойте, где стоите! – насмешливо крикнул он. – Не заставляйте меня пожалеть, что вы еще живы! Ты, как тебя там, – Варлыга! Бросай оружие! Подчинишься – поживете еще немного. Если нет – никто из вас не выйдет из этой реки!

Глава 9

Песня об огневушке

Осенняя ночь опустилась на лес, окутала его холодной сырой мглой. Все так же накрапывал дождь, шелестел по опавшим листьям, капли срывались с хвои. Сквозь шелест еле слышно доносился плеск речки, на берегах которой стражи Великого Рва поймали Варлыгу и его людей.

Накхи на дождь и сырость не обращали внимания. Развели костры, наловили и нажарили рыбы и устроились на ночлег, сложив наметы из еловых лап... О пленниках накхи тоже позаботились – по-своему. Мокрые, избитые венды были крепко связаны по двое за локти спина к спине и так коротали ночь, сидя на поляне под присмотром дозорных. Кто-то из них перешептывался между собой, но большинство угрюмо молчали. Никто из них не сомневался, какая участь их ожидала. Это была вторая попытка побега, вдобавок, уходя, они убили охранников. В прошлый раз их вернули в ров – но дважды такой милости от Данхара не дождешься. А судя по тому, что не убили сразу, Страж Севера приготовил для них нечто особенное...

– Эй, Андемо... – прошептал Варлыга, косясь в сторону костра и сидящих возле него сторожей. – Слышишь меня?

Худые запястья бьяра, туго примотанные к рукам венда, казались тому совсем ледяными. Жив ли? Когда их вязали,

Варлыга изо всех сил напрягал тело, но нахам эта уловка тоже была прекрасно знакома, и ослабить путы не удалось.

– Андемо!

– Что? – наконец хрипло отозвался тот.

– Если ты что-то смыслишь в ворожбе – сейчас самое время.

Молодой бьяр долго молчал.

– С чего ты решил, что я понимаю в ворожбе?

– Давно за тобой наблюдаю.

Андемо хмыкнул.

– Они нас не просто тут держат, – тихо, с нажимом заговорил Варлыга. – Я подслушал разговоры сторожей – утром сюда прибудет Аршалай. Он-то и приказал Данхару брать нас живьем и строго запретил калечить... до его приезда. Андемо, не молчи! Нет дела до нас, о братьях своих подумай!

Бьяр вздохнул:

– Хорошо, я помогу. Кто твой зверь?

– Мой зверь?

– От кого ведет начало твой род? Зверь-бабушка, зверь-дедушка у вас кто?

Варлыга в замешательстве ответил:

– Это вы, бьяры да изоряне, со зверями родичи, а у нас в небесных полях свой бог – солнечный Яндар...

– Что-то не очень до сих пор помог вам Яндар. Сейчас не его время, да и земля не его. Это бьярский лес, владения Матери Зверей. Я воззову к ней и попрошу прислать на помощь

твоего зверя-предка. Думаю, такому, как ты, она не откажет.

– А почему ты не попросишь лесную мать-богиню прислать твоего зверя?

– Мой не придет, – с горечью ответил Андемо. – Думаешь, я не звал? Мы все непрестанно взываем к матери Тарэн, к ясному Солу и более всего – к другу и спасителю людей Зарни Зьену. Он всегда отзывается. Вот и теперь послал знамение, подал нам надежду, помог выбраться из Длинной Могилы... Но мы опять попались, и я не посмею вновь тревожить его. Мы, бьяры, и так сейчас неуютны богам.

– Почему? – удивленно спросил Варлыга.

– Мы склонились перед арьями, как перед зимней бурей, и накхи творят с нами все, что пожелают. Боги не любят слабых. Чем жалобнее мы стонем «спасите-помогите!», тем меньше они нас слушают. А вы, дривы, не сдаётесь – такие люди вышним по нраву... Давай зови своего зверя, а я укажу ему путь. Если он велик, пусть разорвет или отвлечет накхов, если мал – пусть перегрызет наши путы, и мы убежим.

– Какого такого зверя? – проворчал Варлыга. – Сказал же, мы...

И осекся, кое-что припомнив – давнее, убранный в самые дальние уголки памяти.

«Батюшка, меня кто-то ужалил! Ой, как печет, как больно!»

«Ничего сынок, потерпи. Пусть он запомнит вкус твоей

крови. Сейчас поболит, потом весь век спокоен будешь...»

Варлыга глубоко вздохнул и смежил веки, мыслями возвращаясь в прошлое. Не такое уж и далекое, но теперь тот мир погиб навсегда. Когда не было в родном краю захватчиков-арьев, не стояли на месте родовых деревень вражьи крепости, не полыхало святотатственно подожженное нутро земли и уклад жизни был ясным, простым и незыблемым.

Вот он, четыре зимы назад, в лодке на озере, ставит сети. В небе, перекликаясь, вслед за уходящим солнцем клином летят гуси. Беловолосый мальчик, задрав голову, смотрит на птиц голубыми и чистыми, как осеннее небо, глазами...

При мысли о сыне, как всегда, что-то больно сжалось в груди. Эти воспоминания Варлыга старался не трогать вовсе. Где сейчас сын, где жена, где вся его семья, живы ли? Он не знал, и порой это казалось хуже всего. От избы осталось лишь пепелище, родичи пропали без следа. Один человек мог бы знать ответ, но он был мертв. Варлыга часто жалел, что убил его, не догадавшись спросить.

Раз пришло в болотный край половодье,
Хлынули с Холодной Спины водопады,
Воды вешние леса затопили.
Плыл рыбак на лодке по разливу,
Смотрит, дерево к воде накренилось,
Сплошь красно от кусачих огневушек.
Уж совсем то дерево погибло,

Уже ветви в воде полоскались.
Стало жалко рыбаку огневушек,
Он подплыл и весло протянул им.
Хлынули они с дерева потоком,
Чуть лодку ему не перевернули.
«Вот и смерть пришла, – рыбак испугался, —
Ах, зачем я спасаю огневушек?
Там на дереве небось наголодались,
Сейчас мясо мое до костей обгложут
И всю кровь мою выпьют до капли».
Вдруг собрались перед ним огневушки,
Обернулись человеком единым —
Красным человеком без кожи.
Говорит он дриву: «Спасибо!
Мы теперь вовек тебе благодарны.
Хочешь, нашу кровь с тобой мы смешаем,
Будут дривы с мурашами побратимы,
Зло придет, друг за друга мы встанем».
Рассекли они тогда ладони,
Руки крепко друг другу пожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.